

Воспоминания
ТУЛКУ УРГЬЕНА РИНПОЧЕ

Составители: Эрик Пема Кунсанг
Марсия Биндер Шмидт

Блистательное величие

Истории из жизни
великих мастеров медитации старого Тибета

Великие учителя современности

Тулку Ургьен Ринпоче
Тулку Ургьен Ринпоче

**Блистательное величие. Истории
из жизни великих мастеров
медитации старого Тибета**

«ЭКСМО»

2005

УДК 24
ББК 86.35

Тулку Ургьен Ринпоче Т.

Блистательное величие. Истории из жизни великих мастеров медитации старого Тибета / Т. Тулку Ургьен Ринпоче — «Эксмо», 2005 — (Великие учителя современности)

ISBN 978-5-04-104762-7

Личные мемуары одного из величайших практиков и учителей тибетского буддизма Тулку Ургьена Ринпоче погружают в мир старого Тибета, где царят особые представления о человеческих возможностях, совершенно отличные от современных. В книге много поражающих воображение историй, связанных с легендарными мастерами медитации – друзьями, родственниками и знакомыми автора. Тон повествования пронизан искренностью и юмором, он отражает ту уютную и доверительную обстановку, в которой эти истории были рассказаны составителям этой книги, близким ученикам автора. Тулку Ургьен Ринпоче (1920–1996) признан буддистами разных традиций как выдающийся мастер тибетского буддизма. Он практиковал медитацию с четырехлетнего возраста и двадцать лет провел в затворничестве; он прославился как наставник, к которому обращались за помощью многие великие мастера школ кагью и нингма. Так, Тулку Ургьен Ринпоче был наставником и представителем Гьялва Кармапы Шестнадцатого, о чем также рассказывается в книге.

УДК 24
ББК 86.35

ISBN 978-5-04-104762-7

© Тулку Ургъен Ринпоче Т., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Воспоминания о Тулку Ургъене Ринпоче	7
Предисловие Согьяла ринпоче	9
Предисловие Дэниела Гоулмана	12
От составителей	16
Вступление Тулку Ургъена Ринпоче	18
Часть первая	20
1	20
2	22
3	28
4	43
5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Тулку Ургьен Ринпоче
Блистательное величие. Истории
из жизни великих мастеров
медитации старого Тибета

Tulku Ugyen Rinpoche
BLAZING SPLENDOR

© Маликова Ф., перевод на русский язык

© Alex Vait, художественное оформление, 2019

© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Воспоминания о Тулку Ургъене Ринпоче

ЧОКБИ НИМА РИНПОЧЕ, МАСТЕР И УЧИТЕЛЬ МЕДИТАЦИИ, СЫН ТУЛКУ УРГЪЕНА РИНПОЧЕ:

– Отец учил нас с братьями Дхарме с малых лет. Иногда было интересно, иногда очень скучно. Став старше, я понял, насколько папа был добр к нам, давая нам, детям, такие поучения.

Тулку Ургъен Ринпоче был чудесным отцом, великим учителем, добрым и мудрым человеком. Многие великие мастера медитации говорили, что он обрел высшую реализацию. Я очень рад, что его мемуары выходят на русском языке.

ОРГЪЕН ТОБГЪЯЛ РИНПОЧЕ:

– Тулку Ургъен – высочайший мастер медитации, достигший реализации. Я совершенно уверен: нет ни малейшей разницы между состоянием ума Тулку Ургъена Ринпоче и состоянием ума Самантабхадры.

ДРУБВАНГ ЦОКНИ РИНПОЧЕ, МАСТЕР И УЧИТЕЛЬ МЕДИТАЦИИ, СЫН ТУЛКУ УРГЪЕНА РИНПОЧЕ:

– В мемуарах Тулку Ургъена есть много историй из жизни, которые подтверждают реализацию выдающихся мастеров медитации старого Тибета. Тулку Ургъен Ринпоче никогда не лжет. Он верил во все, что рассказывал, и я тоже считаю эти истории правдивыми и аутентичными. Но из-за того, что наше восприятие ограничено, мы воспринимаем эти истории как некие чудеса. Между тем, умы реализованных существ вышли за пределы физических ограничений.

На самом деле истории, рассказанные в «Блистательном величии», не просто какие-то чудеса: они отражают истинное положение вещей, саму всепроникающую естественную реальность, в которой материя и ум не отделены друг от друга. Когда наше двойственное восприятие рушится, мы понимаем, что объект не отделен от субъекта, и видим танец реальности. Материя и ум не отделены друг от друга, они – одно целое, и потому нам не следует ограничивать наши умы исключительно материальными вещами и математическими правилами. Реальность намного богаче, и мы можем убедиться в этом, читая эти замечательные мемуары.

ЙОНГЕ МИНГЬЮР ДОРДЖЕ РИНПОЧЕ, МАСТЕР И УЧИТЕЛЬ МЕДИТАЦИИ, СЫН ТУЛКУ УРГЪЕНА РИНПОЧЕ:

– «Блистательное величие» раскрывает читателю традиции тибетского буддизма и рассказывает о жизни великих мастеров медитации. Для меня она – источник надежды и вдохновения.

Отец очень повлиял на меня своим примером. Он всегда был добр и внимателен ко мне. Когда у меня возникали вопросы по медитации, он всегда давал мне подробные и ясные ответы, которые глубоко меня затронули и очень помогают мне в жизни.

Медитации, которым он меня обучил, поистине преобразовали мою жизнь.

Из книги Мингьюра Ринпоче «Навстречу миру», Эксмо, 2019 г.

Отец часто говорил мне: «Если ты не постигнешь истину о непостоянстве, то не сможешь достичь подлинной реализации. Ты должен позволить умереть иллюзии эго. Только тогда возникнет мудрость. Только со смертью эго мы познаем свободу».

Отец говорил: «Если мы не способны постоянно умирать, значит, будем в конечном итоге жить, как гриб – форма жизни, которая произрастает на мертвой материи и живет в темноте».

За несколько лет до своего ухода отец сильно заболел, и в общине пошли слухи, что Тулку Ургьен близок к смерти. Среди его учеников были и западные врачи, и тибетские, и они собрались в его маленькой комнате в Наги-гомпе, чтобы обсудить лечение. Снаружи было холодно, внутри тоже – никакого отопления, а бетонные стены наполняли комнату отца сыростью и холодом. Кроме того, вода также была не очень хорошего качества, что, возможно, ухудшало его состояние. Один из моих старших братьев приехал навестить отца и уговаривал его переехать в более благоприятный климат, например в Таиланд или Малайзию. Но отец отказался. Он сказал: «Выглядит так, что я болен, но на самом деле больше нет никакого концептуального тела. Я чувствую себя отлично. Что бы ни случилось – пришло ли время уйти или нет, – все в порядке. Я не страдаю».

Когда я сообщил отцу, что хочу уйти в странствующий ретрит, в ответ он сказал мне, что ему осталось недолго. Несколькими годами ранее у него обнаружили диабет, но хотя я видел, как он стареет, ничто не указывало на его скорую смерть. Потом он продолжил: «Уйдешь ли ты в странствующий ретрит или нет, медитируй до конца своей жизни. И сделай все, чтобы помочь тем, кто проявляет интерес к работе со своим умом, независимо от того, каковы их роль и статус, мужчина это или женщина, монах или мирянин. Учи каждого на подходящем ему уровне настолько хорошо, насколько можешь».

Он помолчал, а потом спросил: «Что думаешь?» Я ответил: «Это моя страсть, мое призвание. Я это знаю». Мой ответ порадовал его. Потом он сказал: «Я медитирую с детства. Я болен. Мое тело ослабло. Но ум ясный. Я не боюсь смерти».

Я пытался сдержать слезы, но не смог. Увидев это, он добавил: «У меня есть уверенность в том, что осознание никогда не умирает. Помни об этом и не беспокойся обо мне».

Предисловие Согьяла ринпоче

В этой книге вы прочитаете о выдающихся людях, практикующих медитацию, о великодушных знатоках учений Будды, о великих учителях, чьи сострадание, понимание и способности не вмещаются в обычные мерки. Вы познакомитесь с миром, в котором царят особенные представления о человеческих возможностях, совершенно отличающиеся от тех, что преобладают во всём современном обществе. Однако вам не слишком многое удастся узнать об авторе этих воспоминаний – тибетском учителе Дхармы Кьябдже Тулку Ургъене Ринпоче. Это неизбежно при его скромности и сдержанности. И всё же именно он герой книги, и не только потому, что удивительные события, свидетелем которых он был, мы видим его глазами, что слышим его голос и осмысливаем описываемое с помощью его ума, но также и потому, что он был величиной такого же масштаба, как и те исключительные личности, о которых он рассказывает. Он полностью унаследовал их мудрость и воплотил в себе их невероятные качества. Тулку Ургъен Ринпоче был поистине одним из величайших мастеров медитации XX века и одним из самых выдающихся и щедрых учителей дзогчен и Махамудры – тех учений, которые составляют ядро тибетского буддизма.

Впервые я встретился с Тулку Ургъеном Ринпоче ещё в ранней юности, благодаря тому, что, как он пишет в этой книге, ему много раз доводилось получать учения у моего учителя Дзонгсара Кхьенце – Джамьянга Кхьенце Чокьи Лодро. Когда спустя годы я попросил Тулку Ургъена Ринпоче дать мне учения, он вспомнил, что всегда видел меня рядом с Джамьянгом Кхьенце. Так наша общая тесная связь с этим великим учителем вселила в нас чувство глубокой близости. В школах тибетского буддизма нингма и кагью Тулку Ургъен Ринпоче был величайшим учителем линии преемственности, а кроме того, он был наставником и представителем Гьялва Кармапы Шестнадцатого, и от него получили передачи самые великие ламы традиции нингма: Кьябдже Дуджом Ринпоче и Кьябдже Дилго Кхьенце Ринпоче. Оба они, а также Ньошул Кхенпо Джамьянг Дордже и многие другие великие держатели учений глубоко чтит Тулку Ургъена Ринпоче, считая, что он полностью овладел воззрением и практикой Дзогпаченпо, Великого совершенства.

Как учитель Тулку Ургъен Ринпоче был неповторим. В первую очередь поражает, что всё, чему бы он ни учил, проникнуто духом дзогчен. Он, несомненно, полностью владел всеми аспектами Дхармы Будды. Например, он сосредоточивался на практиках Ваджраяны, выполняя их чрезвычайно точно и правильно; он медитировал с четырёхлетнего возраста и двадцать лет своей жизни провёл в затворничестве; он прославился как наставник, к которому обращались за помощью многие великие мастера, получавшие от него бесценные пояснения относительно трудных моментов учения. Что же касается введения в сущностную, сокровенную природу ума, то в этом Тулку Ургъену Ринпоче не было равных. Помню, как в Наги-гомпе, что в Непале, он всегда давал указующие наставления, знакомя с сущностью ума всех слушателей, кто бы об этом ни попросил – будь то люди, изучающие Дхарму, или просто туристы, посетившие Гималаи. Когда его просили дать наставления о природе ума, он за одно занятие умудрялся дать всё учение целиком, даже если перед ним была большая группа людей. Поразительно: он продолжал давать введение в природу ума до тех пор, пока люди его не получали. Должно быть, Тулку Ургъен Ринпоче познакомил с Дхармой Будды тысячи людей и дал им возможность получить хотя бы мимолётное переживание сокровенной природы их собственного ума. После встречи с ним все расходились, испытывая горячее желание практиковать и применять это новое и свежее понимание своего ума, встав на путь Дхармы.

Совершая поездку по миру в 1980–1981 годах, Тулку Ургъен Ринпоче дал в Лондоне драгоценные наставления моим ученикам, а в 1988 году он дал введение в природу ума намного более многочисленной группе людей, которые приехали в Непал, чтобы встретиться с ним

и с Кьябдже Дилго Кхьенце Ринпоче. После этого я каждую зиму старался возвращаться в Наги-гомпу, чтобы получать от него учения, и то, что у меня была такая возможность, я считаю своей необычайной удачей. Его учения, которые были просто удивительными, проникали прямо в моё сердце и оказывали глубокое и сильное влияние на мой способ преподавания. Хорошо помню, как Тулку Ургьен Ринпоче меня воодушевлял. Ведь именно он множеством разных способов показал мне важность того, что предстояло мне сделать, чтобы учить Дхарме на Западе. Каждый, кто знал Тулку Ургьена Ринпоче в Непале, от высшего ламы до самого простого человека, отмечал его доброту. В своём характере и в отношении к людям он поистине проявлял подлинный дух «Пути бодхисаттвы» – Бодхисаттвачарьяватары. Он в полной мере обладал естественностью, простотой и непринуждённостью великого йогина дзогчен, и, считаю, ни в коей мере не будет преувеличением, если назвать его махасиддхой, современным святым. Во время его кремации небо было ясным и стояло полное безветрие, что в тантрах дзогчен считается знаками, которые отмечают уход человека, достигшего наивысшей реализации, практика которого была «без признаков». Как говорится в этих тантрах, «высоко в небе нет ни облачка, а ниже, над землёй, нет ни пылинки».

Тулку Ургьен Ринпоче преподносил учение так свежо, так просто, но притом очень действительно. Людей поистине обезоруживали его сердечность, открытость и искренность, та атмосфера, которую он вокруг себя создавал, его манера убеждать и шаг за шагом направлять к переживанию природы ума. Он умел показать сущность ума во всевозможных ракурсах; он будто бы ввинчивал её в вас, пока вы её не увидите. А поскольку его слова шли непосредственно из его личных переживаний и из умамудрости, всякий раз, когда он давал указующие наставления, это было по-новому. Я часто размышлял о том, что, когда такой учитель, как Тулку Ургьен Ринпоче, со свойственной ему человечностью и добротой даёт указующие наставления, он знакомит вас с умом-мудростью будд, и ничем иным. Он лично соединяет вас с мудростью всех учителей. Именно это мы и называем «чудодейственным благословением» учителя и его «несравненным состраданием». Если всё сказано и сделано, может ли быть большая доброта? Учитель обращает к вам человеческий лик истины как олицетворение вашей сокровенной природы, а если говорить о Тулку Ургьене Ринпоче, то очень легко было заметить, как всем своим существом он без остатка передавал содержание учений. Я понимаю, что, если вы просто повстречали такого учителя, как он, значит, ваша драгоценная человеческая жизнь не потрачена впустую, а обрела свой смысл и достигла истинной цели.

Сострадание, мудрость, преданность и сокровенная сущность ума – обо всём этом вы прочтёте в этой книге. Ведь именно таковы аспекты Дхармы Будды, которые все мы стремимся понять, овладеть и реализовать. Но место, где все они сходятся вместе и проявляются перед нами наиболее совершенно и непосредственно, – это учитель, такой учитель, как Тулку Ургьен Ринпоче. Когда я думаю о нём, мне приходят на ум поразительные слова, в которых Джамьянг Кхьенце определил, кто такой настоящий учитель.

Коренной учитель, цавэ лама, с нами всегда, а не только сейчас. По своей доброте он с безначальных времён никогда, ни в одной из наших жизней не разлучался с нами, потому что он – воплощение истинной природы нашего ума, проявляющейся внешне в любом обличье, чистом и нечистом, чтобы прямо или косвенно помогать нам. Ныне, благодаря накопленным нами в прошлом заслугам, он принял образ нашего духовного друга, и эта сильная кармическая связь помогла нам встретиться с ним; он даёт нам нектар глубоких и обширных наставлений и одаряет своей безмерной добротой. Отныне и пока мы не достигнем просветления, он никогда не разлучится с нами ни на один миг.

Мы могли бы безмерно скорбеть о том, что этот великий учитель, Тулку Ургьен Ринпоче, покинул наш мир, однако в ещё большей степени мы можем радоваться не только тому, что он продолжает жить в наших умах и в наших сердцах, «не разлучаясь с нами ни на один миг», но и тому, что он сумел обеспечить непрерывную передачу своего наследия, учений, которыми

он в таком совершенстве владел. Его сыновья Чокьи Нима Ринпоче, Цикей Чоклинг Ринпоче, Друбванг Цокни Ринпоче и Йонге Мингьюр Дордже Ринпоче в полной мере обладают достоинствами продолжателей его линии и его прозрения, и каждый из них проявляет свои личные качества, разные и исключительные, но притом все они несут в себе отпечаток личности Тулку Ургьена Ринпоче. Как и у него, их знание сущности ума кипит у самой поверхности, готовое выплеснуться в любой миг. У Тулку Ургьена Ринпоче было много замечательных учеников с Запада и среди них учёные и буддийские учителя, которые посвящают себя распространению Дхармы в западном мире. Его любимые ученики, Эрик и Марсия, неизменно вызывают восхищение у множества людей своими книгами, среди которых и та, которую вы держите сейчас в руках. Над этими книгами они работали многие годы, и я молюсь, чтобы они могли продолжать свой труд безо всяких препятствий.

Итак, что же подразумевается во всех историях и воспоминаниях, которые вы найдёте в этой книге? Две вещи. Во-первых: духовная реализация, или просветление, на самом деле реально возможна, при условии, что мы последовательно и с воодушевлением будем посвящать себя её достижению. Во-вторых, это не просто древняя история, события, некогда происходившие в Индии или в Тибете. Благодаря таким мастерам, как Тулку Ургьен Ринпоче и его ученики, эта живая традиция мудрости и духовного пробуждения продолжается и поныне и, опять-таки благодаря им, учения Будды с их драгоценными глубинными наставлениями легкодоступны для людей, где бы они ни жили.

Я молюсь, чтобы исполнились все чаяния Тулку Ургьена Ринпоче. Да явится нам его воплощение, столь же чудесное и могущественное, каким был он сам, а то и превосходящее его, дабы оно смогло выдержать испытания нашего времени. Да продолжат сыновья и ученики его труд, не встречая ни малейших препятствий, и да пребудет вечно его величественное прозрение, пробуждая бесчисленные существа и указывая им на их истинную природу, глубинную, сокровенную природу их ума!

Предисловие Дэниела Гоулмана

Тулку Ургьен Ринпоче был одним из величайших в XX столетии учителей тибетского буддизма. Книга «Блистательное величие» даёт нам возможность взглянуть на жизнь его зоркими глазами и оказаться посреди беспримерного духовного изобилия. Словно наши друзья и учителя, перед нами предстают замечательные мастера созерцания старого Тибета. Сквозь призму пробуждённого ума Тулку Ургьена Ринпоче мы видим мир в свежей, проясняющей действительность перспективе.

Будучи, как и Далай-лама, тулку, или учителем-перерожденцем, Тулку Ургьен принадлежал к плеяде наиболее известных и влиятельных из современных учителей традиции дзогчен (Великое совершенство), очень много сделавших для распространения на Западе этой практики, которая ныне приобрела известность.

«Блистательное величие» – что подразумевает качества просветлённого учителя – это точный перевод имени, дарованного Тулку Ургьену Кармапой, главой школы кагью. «Блистательное величие», духовные мемуары учителя, проливают свет на его удивительную жизнь и служат путеводителем по утраченной культуре. На этих страницах мы познакомимся с Нангченом – его родиной и царством духовных богатств, страной, где все жители, от пастуха и до короля, были людьми, посвятившими себя практике.

В мире, родном для Тулку Ургьена, условные ценности были прямо противоположны современным: вместо славы, удачи или почёта признаком «успеха» считалась духовная реализация, а жизнь считалась удавшейся, если человек оставлял другим духовное наследие. Тулку Ургьен имел уникальную возможность знать людей, населявших этот мир священных ценностей, и поделиться своими впечатлениями с нами. Однако он вовсе не собирался внушить читателю мысль о том, что реализация – удел немногих избранных, а наоборот, убеждает, что каждый из нас может продвигаться к ней, откуда бы мы ни начали.

Центральная тема «Блистательного величия» – это терма, священное учение, полученное из мистического источника тысячелетней давности и призванное обогатить жизнь и дух тех, кто с ним связан. Истории, рассказываемые Тулку Ургьеном, проливают особый свет на эти сокровища, предназначенные для нашего преображения. Это драгоценности человеческого наследия, доселе неизвестные в западном мире. Тулку Ургьен был держателем этих сокровищ, он пронёс их в своём сердце и уме через Гималаи, чтобы в мире по эту сторону передавать их тысячам людей любого общественного положения.

«Блистательное величие» охватывает не только время жизни Тулку Ургьена, с рождения в 1920 году и до кончины в 1996-м: в ткань повествования вплетена история и его семьи, и линий передачи практик созерцания, продолжателем которых он стал. В результате из-под его пера вышли не только личные мемуары, но и духовная история самого Тибета. Мы узнаём об учителях, которые в IX веке принесли буддийские учения в Тибет, о непрерывной линии преемственности мастеров, которые через века пронесли её тайны и передали их Тулку Ургьену.

Глазами Тулку Ургьена мы видим некоторых из самых совершенных и подлинных духовных практиков, которые жили в Тибете в XX веке. Он не только был близким другом многих великих религиозных деятелей Тибета того времени, но его родственники и предки на протяжении прошлых столетий являлись наиболее влиятельными фигурами Восточного Тибета.

Годы жизни Тулку Ургьена пришлись на исключительный период тибетской истории; на протяжении всего повествования слышится зловещий барабанный бой, предвещающий приход коммунистов с Запада и полное разорение тибетской культуры и всех её богатств. Мы ясно видим впечатляющую картину предательского поведения лхасских политиков на этом заключительном этапе, когда Тулку Ургьен рассказывает о периоде его работы представителем Кармапы в тибетском правительстве, которое уже заканчивало своё существование. И нако-

нец, мы видим, каким духовным подвигом было то, что Тибет сумел возродиться во внешнем мире, когда, разгадав дурные предзнаменования, Тулку Ургьен покинул Тибет за год до самого Далай-ламы.

Голосом Ургьена Тулку «Блистательное величие» рассказывает нам обо всём этом занимательно, искренне и без затей. Самым поразительным в книге может представиться естественная простота Тулку Ургьена. Не стремясь привлечь внимание к самому себе или к своей значимости, он показывает нам мир и завораживающую вереницу образов так, как он это умеет – с откровенной, а зачастую ироничной прямоотой.

Тон повествования отражает уютную обстановку, в которой эти истории впервые были рассказаны, – ощущаешь, будто сидишь рядом с учителем, который рассказывает о своей жизни ближайшим ученикам с Запада. В книге рассказы собраны в исчерпывающее описание, благодаря которому читатели знакомятся с миром, где чудеса, тайны и глубокие прозрения – в порядке вещей. Они видят этот мир таким, каким он предстаёт перед открытым и ясным умом Тулку Ургьена.

Его ученики Эрик и Марсия Шмидт задумали написать эту книгу отчасти потому, что в 1959 году коммунистический переворот безжалостно изменил неповторимый жизненный уклад и культуру старого Тибета. В буддийских кругах все признавали Тулку Ургьена одним из наиболее выдающихся лам, переживших трагедию китайского вторжения в Тибет. С годами великие учителя, получившие образование в классической тибетской духовной системе, один за другим покидали этот мир. В попытке сохранить живой дух традиции авторы сочли себя обязанными предоставить читателям это повествование от первого лица – одного из последних представителей вымирающего поколения.

Какими бы невероятными ни показались описываемые на этих страницах события, недавние научные исследования свидетельствуют, что такие чудеса не могут быть лишь плодом воображения. Например, один из наиболее увлекательных аспектов этих рассказов подтверждается новейшими открытиями касательно полезного влияния длительной медитации на человеческий мозг. Хотя эти исследования всё ещё находятся на начальной стадии, тем не менее они уже принесли несколько открытий, проливающих свет на сущность методов медитации, которые применяют мастера линии Ургьена Тулку, и особенно тех, что используются в практиках многолетнего углублённого затворничества.

Например, магнитно-резонансная томография мозга лам во время медитации на безмерное сострадание обнаруживает, что их мозг проявляет значительный уровень активности в двух зонах: в центре удовольствия и счастья и в центре, ответственном за готовность к действиям. Эти восемь лам занимались практикой от 10 000 до 60 000 часов, и чем дольше они ею занимались, тем выше был уровень активности их мозга. В то время как обычные испытуемые, практиковавшие ту же самую медитацию в течение месяца, показывали повышение активности мозга в этих зонах на 10 %, у лам эта же активность была в среднем в десять раз больше. У некоторых же лам этот показатель был больше в восемьдесят раз.

Как предположил в своей классической книге «The Varieties of Religious Experience» Уильям Джеймс, основатель современной психологии, наше восприятие при температуре 37 градусов может не давать нам полного представления о реальности. Иными словами, альтернативные состояния мозговых функций – а также сознания – могут допускать такие ощущения Вселенной, которые просто неразличимы с точки зрения обычного восприятия.

В мировых религиозных традициях есть сведения об изменённой реальности провидцев, начиная от мастера Эххардта и святой Терезы из Авилы и заканчивая Чёрным Лосем. Разумеется, мы не знаем, какая изменённая деятельность ума или необычные состояния могут вызывать такие видения (и мы должны признать нашу научную предвзятость в предположении о том, что для этого вообще требуются какие-то особые состояния ума), но одно мы знаем наверняка – в любом случае видения появляются после многолетних и целеустремлённых духовных

усилий. Современная неврология утверждает, что мозг отвечает на продолжительное переобучение изменением показателей своей деятельности.

Мы ещё не понимаем, какими могут быть верхние границы основных психических функций, таких как внимание, визуализация и память, потому что современная наука переживает ещё младенческий возраст в изучении влияния обучения на перестройку нервной системы. С другой стороны, древние духовные традиции, среди которых тибетский буддизм, неизменно побуждали практиков посвящать целые годы оттачиванию своей восприимчивости с помощью длительной тренировки.

Что особенно потрясает в историях из «Блистательного величия», так это продолжительность времени, которое тибетские мастера уделяли этим практикам. В то время как ламы, обучающиеся на современных курсах, посвящают интенсивному затворничеству самое меньшее от трёх до шести лет, для мастеров поколения Тулку Ургьена выполнять в три или четыре раза большее количество практик было, по-видимому, обыденным делом. Например, сам Тулку Ургьен провёл в углублённом затворничестве не меньше двадцати лет. То же самое можно сказать о его современнике, ныне покойном великом Дилго Кхьенце. Но некоторые из мастеров, прожившие всю жизнь в Тибете, зачастую проводили в затворничестве ещё больше времени. Например, отец Тулку Ургьена посвятил затворничеству тридцать три года своей жизни.

Ныне наука подтверждает, что даже три года затворничества могут очень сильно повысить психические способности. Мы можем только догадываться, что могут дать двадцать или тридцать лет, проведённые в затворничестве. Исходя из этого, мы вполне могли бы и пересмотреть свои взгляды на якобы «чудотворные» силы, обычно приписываемые тибетским мастерам прошлого. Как знать, что по силам для ума, прошедшего столь высокую и совершенную подготовку?

Этот вопрос, возможно, остаётся невыясненным ещё из-за одной особенности буддийской традиции: поразительной скромности многих великих практиков, с которой они отзываются о собственных достижениях. Так, сам Тулку Ургьен, которого считали своим учителем многие из самых уважаемых мастеров его времени (в том числе и Кармапа XVI), постоянно утверждал, что не представляет собой ничего особенного – просто обычный человек. Такая скромность объясняется ещё и тем, что линия Тулку Ургьена принадлежит к традиции «тайных йогинов», которые никогда не выставляли напоказ свои духовные достижения. Западные читатели, для которых непривычна эта укоренившаяся традиция скромности по отношению к своему духовному статусу, могут неверно понять её проявления, приняв их за чистую монету.

Читатель встречается и с другой дилеммой: как относиться к множеству основанных на фактах сообщений о том, что с точки зрения современного склада ума является невероятным, невозможным и даже чудом. Одни читатели могут просто принять их за украшение повествования, другие – за чистую действительность или отложить до поры до времени критику, третьи, не делая никаких категорических выводов, лишь готовы допустить подобные возможности.

Для тех, кто твёрдо придерживается рациональных объяснений, эти события остаются загадкой и вызывают вопросы, на которые непросто дать ответ. Имеем ли мы дело с легендами и сказками? Считать ли их иносказаниями или притчами, в которых подробности или достоверность событий менее важны, чем содержащийся в них намёк? Происходили ли некоторые из этих кажущихся невероятными событий на самом деле только в уме рассказчика? Или же они заключают в себе область опыта, за пределами обыденному «трансу», вызванному нашими мыслями и фантазиями, воспоминаниями и мечтаниями?

Каждый из нас решает это сам для себя. Но все мы непременно получаем огромное благо, расширяя горизонты своих духовных устремлений.

Замечание для читателей: Я бы посоветовал читателям найти время, чтобы при чтении обращаться к примечаниям и к глоссарию, которые сами по себе могут служить кратким

справочником по буддийской традиции Ваджраяны. Это делает повествование более содержательным, внесет ясность в тех местах, которые иначе могут быть поняты неверно.

От составителей

Это не традиционный для тибетской Ваджраяны рассказ о жизни просветлённого учителя. Ведь Тулку Ургьен редко что-либо говорил о себе или о своих достижениях. Самое большее – он мог рассказать «назидательную историю» из своего прошлого, чтобы прояснить конкретный вопрос для конкретного человека в определённый момент. О подробностях своей жизни он мог упомянуть только тогда, когда его настоятельно об этом просили, так что источник этой книги – произошедшие за четырнадцать лет истории из жизни Тулку Ургьена Ринпоче, рассказанные им по нашей просьбе.

Из этих рассказов мы выстроили сюжетную линию, словно бусины чётки нанизав описанные Тулку Ургьеном эпизоды разного времени. Получившаяся в результате картина даёт богатые сведения о традиции и предках Тулку Ургьена Ринпоче, об учителях, о которых он знал или слышал, а также многие подробности его жизни. Мы не утверждаем, что Тулку Ургьен Ринпоче всё это написал, поскольку он не собирался создавать автобиографию. Он просто откликнулся на нашу просьбу рассказать какую-то из этих историй и делал это только после того, как я обещал, что главным действующим лицом в них будет не он, а замечательные люди, которых он встречал или с которыми был связан через других мастеров.

Когда я спросил его о содержании книги, он ответил: «Просто включите в неё истории. Не наполняйте её моими фотографиями. В Кхаме мы называем это самовозвеличиванием. Поместите побольше фотографий совершенных лам, а не обычных людей. Также очень хорошо показать священные места. Людям полезно увидеть такие святые места, как Бодхгая, если сами они там не побывали».

И ещё он предложил для книги такое заглавие: «Собрание достойных почитания жизненных примеров возвышенных учителей».

Мне кажется, мы остались верны этому духу.

В ходе поисков связующей нити повествования главенствующей стала одна тема – живая преемственность линии передачи. Как увидит читатель, «Новые сокровища», открытые прапрадедом Тулку Ургьена Ринпоче, и передача от одного поколения к следующему играют важную роль в этой книге. А в конце все потоки передачи сливаются в океан высшего воплощения¹. Сам рассказчик и был таким воплощением. «Блистательное величие» – это история мистических приключений, путешествие по времени, пространству и ситуациям, не похожим на те, что были знакомы большинству из нас. И в то же время это земная, человеческая история, рассказанная живо, а иногда заставляющая сжиматься сердце.

Тулку Ургьен рассказывает о замечательных свершениях человеческого духа, подчас подкрепляемых силой провидения. Это ни в коем случае не фантастический рассказ, и всё же он переплетается с магией и грандиозными свершениями невероятного величия. В нём описываются и самые высшие духовные достижения, и самые низшие проявления человеческой глупости. Тибетцы сочтут эту биографию непохожей на другие образцы этого традиционного жанра, потому что в ней почти совсем не упоминаются важные подробности жизни учителя, его духовные подвиги и его необычайно высокий уровень духовных достижений. Для западных же читателей многие истории могут показаться чистой выдумкой или, по крайней мере,

¹ Хотя тибетский буддизм располагает обширной литературой, он в большой степени опирается на устную передачу – когда учитель непосредственно наделяет ученика знанием, и эта линия преемственности продолжается непрерывно на протяжении столетий. Эти учения содержат не только слова и интеллектуальное знание: в равной степени важно передать прямое личное переживание, сохраняющее живой дух традиции. Согласно обычаю ученик посещает учителя, чтобы попросить наставлений по конкретной практике медитации, при этом он предлагает подношения и питает искреннее желание практиковать эти наставления. Если говорить о таком держателе линии преемственности, как Тулку Ургьен Ринпоче, то он не только практикует полученные учения, но и обретает качества, позволяющие в будущем передавать эти учения достойным ученикам. [ЭПК]

рассказами, требующими к себе критического отношения. И всё же то, о чём рассказывается, хотя подчас и бросает вызов общепринятым меркам и обычному восприятию, большей частью выдерживает проверку.

Трудно найти лучшего рассказчика, чем Тулку Ургьен Ринпоче. Он мог не только ясно вспомнить истории, рассказанные ему давным-давно, ещё в детстве, и дословно их повторить, но и, словно по волшебству, погрузить слушателей в глубины своей памяти и точно, в ярких подробностях описать былое. Описанные им события и беседы захватывают эмоциональной глубиной, позволяя каждому самому пережить его впечатления.

Как ни странно, в этой книге содержатся воспоминания не о жизни самого Тулку Ургьена Ринпоче, его потрясающих трудах или его легендарном стиле подачи учения, способном воспламенить скрытую способность слушателя достичь освобождения и полного просветления. На самом деле благодаря книге читатель становится участником описываемых событий и, главное, разделяет с рассказчиком его способ восприятия мира.

Каким особым миром был Тибет до коммунистического вторжения! В этом мире мериллом успешности были духовные подвиги. Дорожить великим даром учений Будды и почитать учителей, хранящих и передающих эти учения, было самым главным делом. Таково было наследие, которое не могли уничтожить даже коммунисты; оно распространилось по всему миру в сердцах тех, кто спас от разорения и гибели свою культуру. В «Блистательном величии» много рассказывается об их стойкости, о победе силы духа в неравной борьбе.

Главные темы истории, рассказанной Тулку Ургьеном, – это глубина почитания учений Будды, их сохранение и распространение через непрерывные линии передачи, непоколебимая отвага, с которой ученики выполняли волю учителя, беспримерное уважение учителей друг к другу, а также неизбежное непостоянство любой ситуации.

Невозможно отрицать или игнорировать тот невероятный урон, который был нанесён Тибету. История засвидетельствовала всё случившееся. И всё же многие драгоценные учителя и учения пережили это страшное опустошение. Эти учителя были вынуждены покинуть свою родину, но благодаря этому мы, родившиеся в материалистической культуре, имеем возможность познакомиться с их исключительной традицией.

Итак, мы приглашаем вас заглянуть в мир былого и почувствовать его дух. Откройте свои сердца для восприятия возвышенного. Не слишком погружайтесь в частности, касающиеся конкретных мест и времени, но просто почувствуйте духовную атмосферу. Ведь эти страницы пронизаны глубоким смыслом – идущие от сердца советы и духовные учения подтолкнут вас к собственным духовным поискам.

Всё это мы предлагаем вам с безграничной любовью и уважением к нашему удивительному учителю, а также с искренней надеждой, что вы получите от этого великое благо и ныне, и навеки.

Рассказывая свою историю, Тулку Ургьен Ринпоче главное место отводит описанию людей, а не их физического окружения. В центре его внимания находятся те люди, которые повлияли на него больше всех. Мы использовали последовательность его духовных предшественников и событий его жизни в качестве канвы для этих чудесных историй, и каждая из них – это сокровище непреходящей ценности, извлечённое из кладезя памяти Ринпоче. Мы предлагаем вам насладиться россыпью этих самоцветов.

Эрик Пема Кунсанг, Марсия Шмидт Наги-гомпа, 2005 год

Вступление Тулку Ургьена Ринпоче

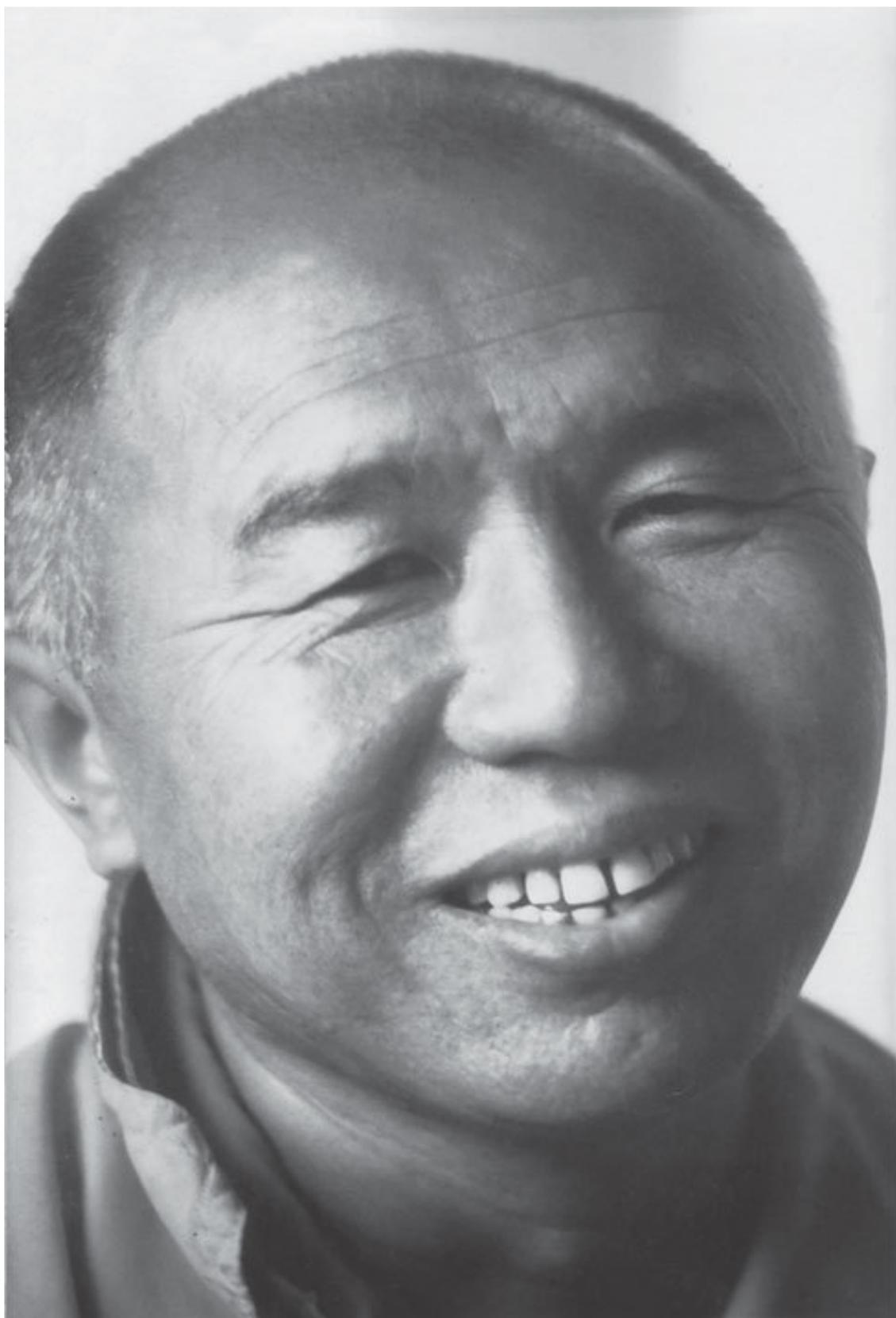
Так и быть, расскажу кое-что о своей жизни, раз уж вы меня так часто об этом просите. По нашей тибетской традиции вначале нужно сообщить об истории твоего рода. Наша фамилия – Цангсар. Ещё одно имя, которое я получил как йогин-перерожденец, – Чованг Тулку.

Я родился в Центральном Тибете, потом меня перевезли в Кхам, а затем я попеременно жил то в одном, то в другом из этих двух мест². Я бежал от коммунистов в Сикким и под конец перебрался в Непал, где и живу сейчас на старости лет. Вот в двух словах моя жизнь. Никаких великих дел я в ней не совершил, и по большей части это была просто череда малозначущих событий.

Рассказывая историю, я всегда стараюсь избегать двух ошибок – ничего не преувеличиваю и не принижаю. Я никогда не приписываю никому качеств, которыми человек не обладает, и не отказываюсь признавать те качества, которые действительно есть. Поскольку память на даты у меня слаба, не ищите здесь чёткой хронологии.

Однако я могу рассказать вам некоторые из слышанных мною историй, и многие из них поведала моя бабушка.

² С точки зрения жителя Кхама, Тибет – это другая страна, находящаяся далеко на западе. Чтобы показать эту разницу, мы используем название Центральный Тибет. [ЭПК]

Часть первая Духовные корни

1

Как бабушка отправилась в далёкий путь

Присматривая за тем, как навьючивают её яков для долгого и утомительного путешествия из Кхама в Лхасу, моя бабушка Кончог Палдрон торопилась отправиться в путь. Она уже была стара, и так много времени прошло с тех пор, как она в последний раз видела своего сына, который жил в Центральном Тибете, куда нужно добираться два месяца! Она решила пуститься на его поиски.

Бабушка не скрывала своих чувств. Она причитала:

«Моим отцом был сам Чокгьюр Лингпа, великий тертон³. Куда бы он ни отправился, люди тянулись к нему, как железные стружки к магниту. Хотя он прожил недолго, его слава и признание, его влияние и число его учеников – всего этого было даже больше, чем у великого Кармапы. И всё же он покинул своё тело и меня заодно.

Потом и мама с моими братьями тоже умерли. Все, кого я любила, меня бросили. Есть ли кто несчастнее меня, круглой сироты? Даже мой младшенький, Терсэй Тулку, оставил меня, чтобы жить в Центральном Тибете рядом со своим знаменитым учителем. Люди говорят, он всю жизнь показывает четыре просветлённых действия среди лхасской знати⁴. Даже король Бутана угождает ему: он дал моему Терсэю столько подарков, что их можно унести только на пятидесяти вьючных яках. Он заботится о целой толпе учеников – их восемьсот человек, – а меня, свою мать, бросил одну-единёшеньку здесь в Кхаме.

Когда мой отец Чокгьюр Лингпа путешествовал, так словно волна катилась по всей стране, захватывая всех на своём пути, какими бы великими учёными или йогинами они ни были. Все мастера его времени, к какой бы школе ни принадлежали, получали у него учения. Повидав такое величие, могу ли я удивиться чему-либо в наше время? Слышала я разные истории о так называемых великих подвигах Терсэя Тулку, да по сравнению с тем, что творил его дедушка, всё это просто пена на воде.

И вот одна я теперь, единственный оставшийся в живых ребёнок Чокгьюра Лингпы, одна как перст. День и ночь лью слёзы, так что подушка мокрая. Знаю, что всё прекрасное и хорошее – словно цветы на осеннем лугу: распустились пышно, да скоро завянут».

Отчего так убивалась бабушка? Дядя Терсэй был большим знатоком традиции её отца – «Новых сокровищ», которые составляют толстые тома учений, обнаруженных Чокгьюром Лингпой. С ранних лет Терсэй получал много видений и пророчеств, но редко говорил о них, поскольку был «тайным йогином», то есть одним из тех, кто никогда не выставляет напоказ свои духовные достижения или обретение совершенства.

Однажды дядя Терсэй отправился из Кхама в паломничество. Большой силач, он, в отличие от большинства путешествующих по крутым склонам Тибета, нёс все свои припасы за спиной – у него не было ни одного вьючного животного. Сопровождали его лишь двое верных

³ Дзонгсар Кхьенце, один из моих учителей, сказал мне: «Учения-терма были сокрыты, чтобы позднее их обнаружили в нужный период, к тому же они появляются в таком виде, который наиболее соответствует именно тому времени, когда их открыли. Каждый крупный тертон должен открыть самое меньшее три главные темы: гуру-садхану, дзогчен и Авалокитешвару. В наше время Кхьенце Старший и Чоклинг были особо одарены семью передачами». [ТУР]

⁴ «Четыре просветлённых действия» подразумевают то, как будда или божество приносит благо живым существам: умиротворяя, приумножая, привлекая и подчиняя. [ЭПК]

помощников, которые несли собственную поклажу. Они побывали повсюду, даже в священных местах Индии. Именно во время этого паломничества дядя стал учеником знаменитого Шакьи Шри⁵.

До Кхама дошла молва, что «Терсэй Тулку оброс бородой и живёт себе как лама-йогин». Истории о нём рассказывали довольно впечатляющие. Но ни одну из них бабушка не воспринимала всерьёз, неизменно отзываясь об очередной новости: «Пройдёт и это!»

Наконец она начала беспокоиться о своём младшем сыне. «Как я могу спать, когда он шатается где-то в Центральном Тибете? Мне нужно съездить за ним. Ведь он мой младшенький и перерожденец моего брата, который безвременно умер. Терсэй слишком надолго застрял в Центральном Тибете. Если он не возвращается в резиденцию Чокгьюра Лингпы, чтобы принять на себя свои обязанности, то придётся мне самой съездить за ним и водворить на место!»

Поскольку три старших сына не могли допустить, чтобы старушка-мать отправилась в долгий путь в Центральный Тибет одна, они собрались её сопровождать.

В конце концов, наша семья нашла дядю Терсэя в Кыпуге, где жил и учил Шакья Шри. В ответ на просьбу вернуться в Кхам дядя ответил:

«Конечно, я вернусь, но сначала мне нужно закончить своё паломничество». Прошло пять лет, прежде чем все смогли возвратиться домой в Кхам.

Вот во время этого путешествия я и родился.

* * *

Бабушка была мастерицей рассказывать. Именно от неё я услышал большинство историй, которые расскажу здесь. Дядя Самтен Гьяцо не раз говорил: «Мама может рассказать множество историй». И она это действительно делала!

Эта замечательная женщина никогда ничего не забывала. Она могла обсуждать события и из далёкого прошлого, будто они произошли только что. Все диву давались, как у старушки может быть такой ясный ум. Она могла дать чёткий ответ на любой вопрос, который возбуждал моё любопытство, и знала невероятное количество интересных историй.

Я обожал быть рядом с ней. Особенно я любил истории об её отце Чокгьюре Лингпе, многие из которых не попали в его общеизвестную биографию⁶. Она сопровождала своего отца, тертона, во многих его путешествиях и собственными глазами видела всё происходившее. Ещё она знала обо многих видениях, которые он получал, и была свидетельницей обнаружения им многих терма. Обладая поистине совершенной памятью, она могла исчерпывающе рассказать об этих событиях, которые происходили у неё на глазах. Всякий раз, когда она рассказывала какую-то историю, это звучало так, будто бабушка прямо сейчас переживает то, что происходило тогда.

⁵ Среди учеников, практиковавших дзогчен, в жизнеописании Шакьи Шри упоминается «потомок Чокгьюра Лингпы Терсэй Тулку». [ТУР]

⁶ Мой дядя Самтен Гьяцо убедил второго Цикья Чоклинга составить жизнеописание Чокгьюра Лингпы. Этот Чоклинг Тулку был чрезвычайно образован, красноречив и украсил изложение многочисленными цитатами из древних текстов. Однако конечный результат не полностью удовлетворил Самтена Гьяцо: напротив, он упрекнул Цикья Чоклинга за то, что тот не удосужился обратиться к Кончог Палдрон, а просто воспользовался уже существовавшим жизнеописанием, подробно написанным Кармей Кхенпо. Самтен Гьяцо сказал: «Подлинную историю ты можешь услышать от моей матери». Есть ещё один вариант, написанный Нэтэном Чоклингом в дополнение к более краткому изложению Кхенце Старшего и Конгтрула и описанный на «Дополнение к жизнеописанию» великого тертона. [ТУР]

2

Тибет, буддийская страна

Учения Будды пришли к народу Тибета благодаря покровительству древней царской династии. Рассказывают, что некое существо полубожественного происхождения, которое сошло на землю, чтобы жить среди людей, было изгнано на север, в Гималаи. После долгого странствия изгнанник спустился с высоких гор и оказался в местности Ярлунг, что в Тибете. Местные жители сочли, что он небожитель, сошедший с небес, и, намереваясь короновать его как своего первого царя, понесли на своих плечах, усадив вместо трона на воловье ярмо. Вот почему его стали называть царём Ньятри, что значит «восседающий на ярме-троне».

Первые буддийские тексты чудесным образом появились в Стране снегов после тридцати пяти поколений царей этой династии, которые правили, передавая власть от отца к сыну. В те времена подданные были сплошь неграмотны, что сильно печалило царя. Он горячо молился о том, чтобы покончить с невежеством людей. По милости будд три священных текста упали с небес на крышу царского дворца. Хотя никто не мог их прочесть, одно лишь присутствие этих текстов так преобразило всё вокруг, что урожаи в стране стали обильными, а злые силы попритихли. Это было похоже на то, как если бы непроглядную ночную тьму вдруг прорезал первый проблеск зари.

Спустя пять поколений на трон взошёл Сонгцен Гампо и пригласил в Тибет первых буддийских учителей. Благодаря своим огромным заслугам он сумел заполучить две из трёх главных статуй из храма в Бодхгае – того места в Индии, где обрёл просветление Будда. Эти статуи привезли в Тибет в качестве приданого двух иноземных царевен, которых Сонгцен Гампо взял в жёны. Одна статуя прибыла с дочерью китайского императора, а вторая – с дочерью царя Непала. Если продолжить наше сравнение, то период правления Сонгцена Гампо был похож на первый луч восходящего солнца, осветивший утреннее небо: Дхарма начала распространяться по всей стране.

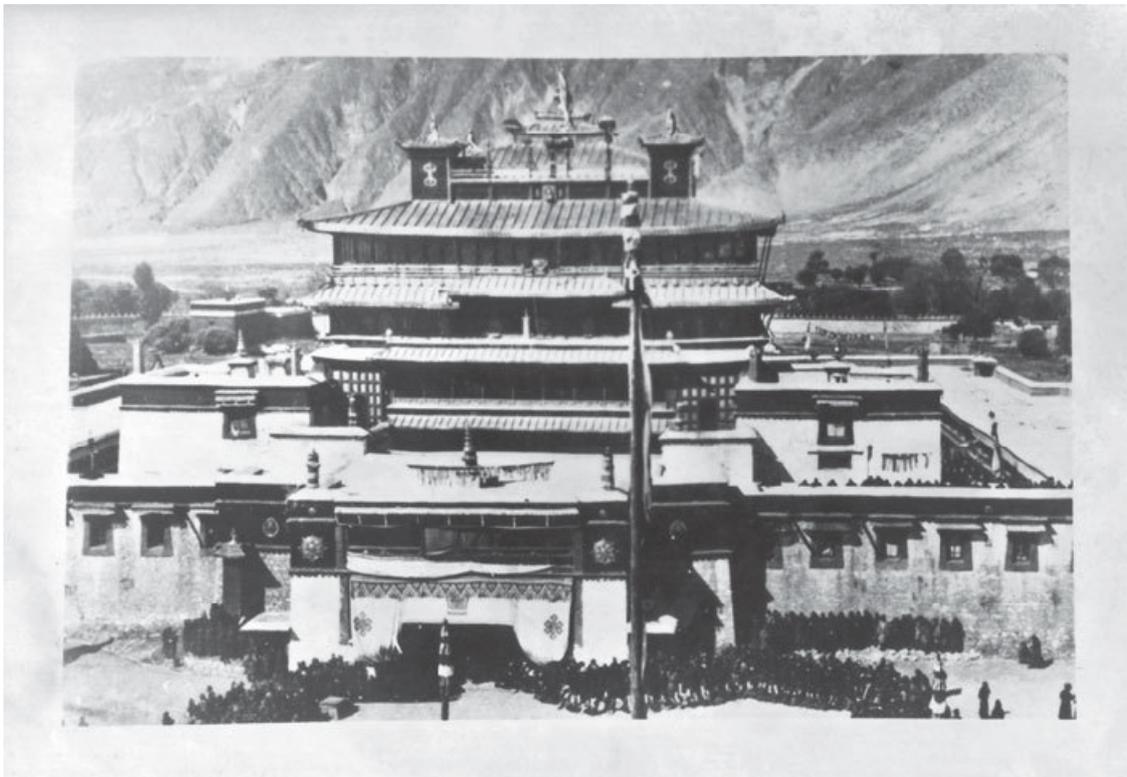

2. Трисонг Дэуцен – великий царь Дхармы

Спустя ещё пять поколений царь Трисонг Дэуцен дал великий обет полностью упрочить учение Будды во всём Тибете – и это было словно солнце, поднявшееся высоко в небо. В период своего правления этот царь пригласил в Тибет сто восемь учителей из разных стран, главным образом из Индии. В те времена духовных наставников, учителей и мастеров называли *пандита*, что значит «учёный». Тех же, кто, получив учения, переводил их на тибетский язык, называли *лоцава* – «переводчик».

Первым важным учителем, которого пригласили в Тибет в этот период, был знаменитый Кхенпо Бодхисаттва, или Шантаракшита. У царя был великий замысел построить в Центральном Тибете храмовый комплекс, который ныне называется Самье. Однако могущественный дух-нага возненавидел Бодхисаттву. Он стал призывать: «Если эти индийцы начнут распространять здесь буддизм, мы будем страдать. Давайте объединимся, чтобы им вредить». Все восемь классов духов договорились всеми силами не допускать распространения буддизма

в Тибете, а для этого мешать строительству Самье. Всё, что было построено людьми за день, местные божества и демоны разрушали той же ночью.

3. Самье – твердыня древней Дхармы

4. Чимпу – вид из пещеры над Самье

5. Падмасамбхава – Лотосорождённый Гуру

Шантаракшита был великим бодхисаттвой, и его сердце было полно невиданного сострадания и миролюбия. Из-за своего миролюбия он не мог подчинить местных духов, обитающих в окрестностях Самье. Казалось, что Шантаракшита вот-вот сдастся и не выполнит возложенную на него миссию, а потому царь всё больше мрачнел, не видя никакого продвижения дела.

– Я всего лишь бодхисаттва, – сказал царю Шантаракшита, – я не могу справиться со всеми могущественными духами этой местности. Но не отчаивайся: выход есть. В Индии живёт тот, кому нет равных во всём. Он даже родился не из материнского чрева. Его зовут Падмасамбхава, Лотосорождённый. Все боги и демоны, противящиеся истинным учениям, замирают

от ужаса и цепенеют, едва услышав его имя. Пригласи его в Тибет, и наши трудности закончатся.

– Как же мне его пригласить? – спросил царь.

– Мы втроём приняли один обет в наших прежних жизнях, когда Ваше Величество, Падмасамбхава и я были братьями и вместе участвовали в строительстве большой ступы в Боудхе, что в Непале⁷.

Поскольку тогда мы поклялись принести Дхарму на север, Лотосорождённый Гуру обязательно примет наше приглашение; нужно только попросить его прибыть сюда.

Падмасамбхава обладал огромной мощью, достаточной для того, чтобы покорить все злые силы. Воплощая в себе деяния всех будд, он мог наставить на путь учеников в непросвещённой стране Тибет и к тому же подчинить все вредоносные силы.

Благодаря его владению чудотворными силами храмовый комплекс Самье был наконец воздвигнут.

Среди других легендарных учителей, способствовавших укреплению Дхармы в Тибете, был Вималамитра, о котором говорили, что он обрёл необычайное «ваджрное тело великого преобразования», запредельное рождению и смерти. Ещё был тибетский переводчик Вайроцана, воплощение будды. Всего в Тибет прибыло сто восемь пандит⁸.

В этот период очень много тибетцев обучились искусству перевода, так что весь свод буддийских учений, в том числе и многочисленные практики-садханы, подробно описывающие весь духовный путь, были переведены на тибетский язык и сведены в чёткую систему.

Во времена правления Трисонга Дэуцена в Тибете сложились благоприятные условия. Сам царь был воплощением великого бодхисаттвы Манджушри, и о некоторых его советниках тоже говорили, что они – божественные воплощения, равно как и приглашённые в Тибет учителя и пандиты, а также переводчики того времени. Благодаря таким исключительно благоприятным обстоятельствам царь смог исполнить свой обет – упрочить Дхарму в Тибете.

Учения этого замечательного периода ныне называются нингма, или «старая школа ранних переводов», в противоположность учениям, которые были привнесены из Индии в последующие столетия и называются сарма, или «новая школа поздних переводов».

Но не всё шло так гладко. Через некоторое время после смерти царя Трисонга Дэуцена наступил период гонений на Дхарму, когда злобному тирану Лангдарме, который занял царский трон, почти удалось искоренить учения Будды. Однако последующее её возрождение знаменовалось появлением школ сарма, основателями которых были главным образом великие переводчики Ринчен Сангпо и Марпа. Эти два и многие другие великие учителя прошли весь путь в Индию и, получив наставления от тамошних учителей Дхармы, приносили эти учения в Тибет. Один из царей этого раннего периода – великий дхармараджа Ралпачен, внук Трисонга Дэуцена, – также приглашал в Тибет множество учителей.

Так в те времена стали существовать две сангхи: сообщество монахов, которых отличали бритые головы и монашеская одежда, и сообщество тех, кого называли нгакпа, – практиков тантры, носивших длинные волосы, прядями обмотанные вокруг головы, белое подобие юбки и полосатую накидку. В знак глубокого уважения к этим двум сообществам царь спускал до земли две свои очень длинные пряди волос и позволял почитаемым монахам и йогинам наступать на его волосы и сидеть на них. Чтобы выказать крайнее уважение к этим особам, он даже клал себе на голову камешки из-под их ног. Покровительство царя, а также его глубокое почтение к Дхарме создали в Тибете условия для её прочного укоренения и расцвета.

⁷ Подробная история этой ступы содержится в книге *The Legend of the Great Stupa*, translated by Tulku Pema Wangyal and Keith Dowman (Berkeley: Dharma Publishing, 2003).

⁸ Жизнеописание Вималамитры можно найти в книге Tulku Thondup, *Mastes of Meditation and Miracles*, а подробная биография Вайроцаны есть в переводе на английский: *The Great Image*, translated by Ani Jinpa Palmo. Обе книги вышли в издательстве «Шамбала паббликейшнз».

Наконец Дхарма в полной мере распространилась по всей стране. На протяжении столетий, благодаря как поддержке, оказываемой столь преданными учению царями, так и усилиям всех учителей и переводчиков, в Тибете расцвели восемь отдельных линий передачи учений, переведённых с индийских оригиналов⁹. Эти восемь школ, все без исключения, являются учениями Будды. Ни одна из них не противоречит ни системе Сутры, объединяющей в себе Хинаяну и Махаяну, ни системе тантры, то есть Ваджраяне¹⁰.

В течение этих двух первоначальных периодов расцвета Дхармы в Тибете учителя, ученики и даже ученики учеников достигали высокого уровня реализации. Некоторые проявляли сверхъестественные знаки своего духовного совершенства, например, могли парить в небе, подобно стае птиц. Всякий раз, приземлившись после полёта, они оставляли отпечатки ног на твёрдом камне. Это не просто старинные легенды: такие отпечатки можно видеть и в наше время, так что вы сами можете в этом убедиться.

Вот в какой стране я родился.

⁹ Все восемь линий передачи процветали в Тибете и позднее стали называться восемью колесницами практической линии. Одна из восьми школ – это нингма, букв. «старая», а остальные относятся к сарма, или «новым», школам. Среди них – *марта-кагью*, *шангпа-кагью* и *ламдрэ* («путь и плод»), принадлежавшие к традиции сакья. Кроме того, была школа *кадам*, позднее реформированная в *гелуг*, а также шичже («умиротворение») и *чод* («отсечение»). Среди множества существовавших в Тибете практических линий преемственности также были *джордрук* («шесть союзов») и *ньендруб* («три ваджрные практики» приближения и свершения»). [ТУР]

¹⁰ Иногда тибетские историки пишут, что Индию можно назвать отцом буддийских учений, Непал – матерью, а учения, пришедшие в Тибет, – их отпрыском. [ТУР]

3

Гампопа и учителя традиции баром раннего периода

Как я уже упоминал, согласно традиции тибетских рассказчиков, герой повествования не должен просто появиться ниоткуда. Необходимо, чтобы история начиналась с происхождения этого человека. Мы описываем происхождение с двух точек зрения: как родословную и как линию духовной преемственности. Поэтому я начну как положено: расскажу немного о своей семье, которую часто называли несколько напыщенно и не без преувеличения – «божественный род Цангсар». В течение многих столетий представители нашего рода были правителями двух королевств: Цангсар и Нангчен. Согласно устным преданиям, наш род происходит из Индии. Рассказывают, что один из небожителей спустился с небес Брахмы на землю, дабы с тигрицей из Леса Чёрного Сандала, что в Северной Индии, произвести на свет дитя¹¹.

¹¹ Самое раннее упоминание о фамилии Цангсар принадлежит Га Лоцаве, великому переводчику, посетившему Индию, и великому сиддхе. Другое упоминание есть в эпосе о Гесаре Линге, чей гуру тоже был из рода Цангсар. [ТУР]

6. Ваджрадхара – будда дхармакая

Это довольно необычные предки, но такое случалось не только с нами: согласно традиции, отцом основателя рода Дрикунг был бог, а матерью – коза. Коза родила мальчика, и отец-небожитель снова спустился с небес, чтобы его забрать. Но, когда он взял мальчика, мать-коза издала такой душераздирающий вопль отчаяния, что отец из сострадания оставил ей дитя.

Мои предки тесно связаны с одной из ранних школ кагью – духовной линией передачи, которая называется баром¹². Слово кагью подразумевает учение (ка), которое с самого начала

¹² Считается, что в истоках школ кагью лежали «четыре большие» и «восемь малых» школ. В каждой из них был свой путь продолжения линии преемственности: в одной – от дяди к племяннику, в другой – по «кости», то есть от отца к сыну, в третьей – когда учитель и ученик монахи. Традиция баром-кагью продолжалась как по родовой, так и по монашеской линиям, и мои предшественники ведут своё происхождение от великих учителей этой традиции. [ТУР]

и до наших дней передаётся (гью) по непрерывной линии преемственности. Говорят, что эта духовная преемственность восходит к небесному Будде Ваджрадхаре, чьи учения передавали индийские учителя Тилопа и Наропа, а затем их тибетские последователи Марпа и Миларепа. У знаменитого йогина Миларепа было много учеников, но среди них особенно выделялся один, которого теперь мы называем Гампопа, «человек из Гампо». Именно от него пошла наша традиция баром.

7. Гампопа – предшественник учителей линии кагью

Прежде чем Гампопа встретился с Миларепой, он довольно долго изучал и практиковал учения Будды и приобрёл опыт в состоянии медитации – *самадхи*. Как-то раз под его окном оказался один нищенствующий странник, который стал рассказывать о Миларепа, великом гуру. Едва Гампопа услышал имя Миларепа, как его охватило душевное волнение, и он пригласил странника в дом.

«Где живёт этот Миларепа?» – спросил он. Странник рассказал историю жизни учителя: как ещё в детстве с ним поступили несправедливо его собственные родственники, о его стра-

даниях, о том, как он овладел чёрной магией и использовал её, чтобы отомстить, и о том, как потом он переменялся и стал отшельником, а сейчас он – изумительный мастер йоги.

В заключение странник сказал:

- Теперь он живёт в области Нгари, и я один из его учеников.
- А могу я повидать его? – спросил Гампопа.
- Конечно, – ответил странник.

Гампопе очень хотелось встретиться с этим йогиним, и он, не теряя времени, на следующее же утро отправился в Нгари. Он нашёл Миларепу в местности, которая называлась Счастливые Горные Вершины. Едва увидев лицо учителя, Гампопа обрёл жар блаженной пустоты. «Сядь и упражняйся в туммо!» – сказал ему Миларепа. Туммо – это йога внутреннего жара. Посвятив этой практике совсем немного времени, Гампопа, как вы можете прочесть об этом в книге «Жизнь Миларепы», проявил совершенные знаки успеха, связанные с растворением потоков энергии в центральном канале¹³.

Когда Гампопа достиг высочайшего уровня постижения Махамудры, пробуждённого состояния ума, его гуру сказал: «Ты уже достаточно побыл со мной. Теперь тебе надо идти на гору Дагпо и практиковать в уединении, но, пока ты ещё здесь, я хочу дать тебе последний урок».

В день расставания Миларепа немного проводил Гампопу. После того как они посидели на валуне, чтобы отдохнуть, настало время прощаться. Миларепа встал, задрал подол своей юбки, что носят йогины, и показал Гампопе свой зад, настолько тощий и мозолистый, что было похоже, будто через кожу проглядывают кости.

– Слушай! – сказал Миларепа. – Упражняйся в Махамудре, не занимай себя совершением добродетельных поступков тела и речи, потому что так ты рискуешь упустить свободную от мышления пробуждённость. Только потому, что я сидел на этой заднице, я достиг постижения. Я был упорен в применении пути средств и пути освобождения: Шести йог Наропы и Махамудры. Лёгкими, необременительными практиками ничего не достигнешь!

Не стремись добиться целей мирской жизни, – продолжал он. – Практикуй стойко. Настанет день, когда ты увидишь в этом деде самого Будду. Это случится, когда в тебе родится подлинное постижение. Это моё последнее наставление.

Гампопа отправился дальше и поселился на горе Дагпо в маленькой хижине для медитации, где упражнялся самоотверженно и с огромным упорством. Благодаря этим усилиям его способности углублялись, пока он не постиг состояние пробуждения, безграничное, как небо. Постепенно вокруг него собралось огромное число последователей: пятьсот его учеников сами стали полноправными учителями, достойными носить зонт Дхармы, что знаменовало их статус владык учений Будды, а это немалая должность. Так он исполнил пророчество Наропы, который сказал: «Мои ученики превзойдут своего учителя, но их ученики будут знамениты ещё больше». И действительно, йогины, вышедшие из его линии передачи, были многочисленны, как стаи птиц, которые, взлетая, заполняют небо¹⁴.

¹³ Согласно глубокой системе буддийской Тантры, каждое переживание, как обычное, так и высшее, имеет внутреннюю взаимосвязь со структурой тонких каналов, энергий и сущностей. [ЭПК]

¹⁴ Гампопу называли всемирно известным учителем из Дагпо (Дагпо Дзамлинг Драгпа), а потому его линия называется дагпо-кагью. Падру Дордже Гьялпо, один из главных учеников Гампопы, был учителем, достигшим невероятного уровня реализации. Его ум был открыт как небо. Каждый из его учеников стал родоначальником собственной линии передачи, которые стали называться восемью малыми школами кагью. Падру умер во время разразившейся в этом регионе эпидемии проказы: чтобы спасти других, он принял на себя все болезни людей и от этого умер. Когда тело несли к погребальному костру, его на короткое время положили на большой камень. Тело вдавилось в камень, и, когда его подняли, остался отчётливый отпечаток. Услышав эту историю, великий учитель Сакья Пандита написал шутку, которая на самом деле была скрытой хвалой: «Отпечатки, сделанные телом Падру, действительно дело нужное, хотя и запоздалое». Он имел в виду, что было бы лучше оставить такие отпечатки при жизни. [ТУР]

* * *

Среди главных учеников Гампопы был один по имени Дарма Вангчуг, которого считают первым учителем линии баром. С раннего детства он не думал ни о чём другом, кроме практики священных учений Будды. Подрастая, он хотел только одного: найти себе самого лучшего учителя.

Наконец юный Дарма Вангчуг встретил одного йогина и спросил, куда тот направляется.

– Я иду на гору Дагпо, где живёт несравненный Гампопа.

– Возьми меня с собой, я тоже хочу встретиться с ним! – воскликнул Дарма Вангчуг, тут же приняв решение.

И они отправились вместе. Встретившись с Гампой, Дарма Вангчуг сразу же стал его учеником.

В тех краях, откуда я родом, слово «ученик» используют, если на то есть веские основания. Ученик – это тот, кто посвящает практике всё своё время, кто отказался от всего, сосредоточившись исключительно на достижении просветления ещё в этой жизни. Людей, которые просто время от времени получали кое-какие посвящения или краткие учения, не всегда называют учениками.

Дарма Вангчуг стал образцовым учеником, который целиком – мыслью, словом и делом – предан служению своему учителю. Несколько раз он даже спасал Гампопу от смерти.

Мы, тибетцы, имеем обыкновение, показывая своё религиозное рвение, расталкивая других, чтобы поближе подобраться к ламе и получить благословение. Иногда люди ведут себя просто как стадо. Как-то раз на большой ярмарке разнеслась молва, что здесь находится Гампопа, и потому все, кто был на ярмарке, разом захотели получить от него благословение и при этом чуть не раздавили учителя. Должно быть, Дарма Вангчуг был довольно сильным человеком, потому что, как рассказывают, он поднял Гампопу себе на спину и унёс его в безопасное место. В другой раз Гампопа с учениками высоко в горах продвигались по крутой и узкой тропинке. Як, на котором ехал Гампопа, поскользнулся и упал в пропасть. Но Дарма Вангчуг успел схватить Гампопу и тем самым спас ему жизнь.

Однажды Гампопа сказал Дарма Вангчугу: «Ты так долго и преданно служил мне. Теперь тебе настало время приносить пользу другим. Отправляйся на север, в пещеру на священной горе Кангсар, и посвети себя исключительно медитации». Затем Гампопа описал эту гору и как туда добраться. Дарма Вангчуг взмолился, что предпочёл бы остаться скромным слугой, но Гампопа всё равно его отослал.

Дарма Вангчуг пошёл туда, куда велели, и практиковал с великим усердием, совершенно не заботясь о еде, одежде или славе. Боги и духи той горы приносили ему пищу, и он прожил там тринадцать лет. Под конец своего затворничества он мог летать в небе, свободно проходить сквозь твёрдые скалы, он обрёл все признаки совершенного учителя.

Дарма Вангчуг основал свой первый оплот Дхармы в Центральном Тибете¹⁵, к северо-востоку от Лхасы, близ горы Кангсар, где провёл все те годы. К нему стало стекаться всё больше верующих с подношениями, в том числе и из Китая. Однако, после того как его храм накрыла снежная лавина, он принял приглашение от правителя Нангчена, что в Восточном Тибете. Там он основал свой второй монастырь, и это королевство на протяжении жизни нескольких поколений постепенно стало наполняться *гомченами* и йогинами.

У меня на родине слово *гомчен* тесно связано с указующим наставлением Махамудры, самого глубокого учения в традиции баром. Почти все жители Нангчена получали это настав-

¹⁵ Эта Баром-гомпа, которую называли Верхней резиденцией, находилась в Сангжунге, в провинции Нагчу к северо-востоку от Лхасы.

ление, которое прямо знакомит с состоянием реализации, а потому все они становились гомче-нами. На каждом горном склоне, в каждой долине, в каждом семейном доме появлялся оплот практики. Под вечер даже простые водоносы использовали кожаные ремни своих коромысел в качестве поясов для медитации, а пастухи приспособливали для этого верёвочные арканы. Рассказывают, что практиками были почти все, так что королевство стали называть Гомде – Страна медитирующих, и это свидетельство прочного укоренения там учений Будды¹⁶.

В наше время люди нередко удивляются, почему так много духовных практиков проводили по столько лет в уединённых горных обителях. Ответ прост: они остро осознавали бренность земного бытия – то, что все мы смертны, что время бежит и что нужно использовать свою драгоценную жизнь, чтобы обрести непреходящие ценности, то есть освобождение и просветление.

Они видели в мирских успехах и людском признании не что иное, как попытки демонов отвлечь нас от достижения просветления. Понимая, что погоня за земными ценностями – лишь тщетное преследование миражей, они отстранялись от мира, пока не достигали устойчивости состояния пробуждения, подобно тому, как подстреленный олень уходит в дебри, чтобы оправиться от ран. Обретя непоколебимую просветлённость, учителя начинали трудиться на благо других, создавая монашеские центры, где можно было практиковать и передавать учение Будды.

Удивительно, сколько один подлинный духовный учитель может сделать для всеобщего блага. Если представится такая возможность, постарайтесь почитать жизнеописания ранних буддийских учителей и основателей главных монастырей в Тибете. Посмотрите, как они приступали к практике и с каким великим усердием её выполняли, как потом они возводили прекрасные храмы на благо других. Будь у вас возможность увидеть множество существовавших до коммунистического разорения изящных статуй искусной работы, созданных на века и покрытых золотом благодаря подношениям верующих, вы были бы просто поражены. Однако все без исключения основатели этого невероятного изобилия были истинными аскетами, поскольку считали мирскую славу и успех происками демонических сил.

Духовное влияние одного-единственного просветлённого существа может проникать во все уголки человеческой цивилизации. Тому были бесчисленные примеры на протяжении столетий. Например, прежде чем первый Кармапа построил в Центральном Тибете храмовый комплекс в Цурпу, где Дхарма процветала на протяжении столетий, он провёл в медитации несколько десятилетий, когда кровом ему служил всего лишь выступ скалы. Но настало время, когда он достиг такого уровня пробуждённости, что появились многочисленные знаки чрезвычайно высоких духовных достижений¹⁷.

Кроме Кармапы были тысячи и тысячи практиков, которые следовали примеру Миларепы. Когда человек живёт в безлюдной долине или в отдалённой пещере, презрев тщетные занятия и тем самым обретя время, чтобы пробудиться к истинному просветлению, – вот что меня глубоко поражает!

¹⁶ Нангчен до сих пор называют Гомде. Местные барды даже сочинили прекрасную песню, в которой рассказывается, что эта земля йогинов – истинная родина. [ТУР]

¹⁷ Люди находили пилюли-рингсел – знаки чрезвычайно высокого духовного достижения – даже в его моче и испражнениях. Первый Кармапа, Дусум Кхьенпа, который приходился Падру братом в Дхарме, много лет практиковал просто под нависающей скалой, пристроив к ней примитивную каменную стенку. В один прекрасный день люди обнаружили, что в его испражнениях появляются крошечные рингсел. Сакья Пандита написал: «Рингсел в испражнениях Дусума – действительно дело нужное, но преждевременное», имея в виду, что рингсел следовало бы находить в его останках после его смерти. Говорят, что даже спустя века люди всё ещё находили их в том же месте. [ТУР]

* * *

Моя семья связана с этими ранними учителями линии баром-кагью через Тиши Репу, одного из главных учеников Дарма Вангчуга. Кроме него у Тиши Репы было ещё четыре гуру, и в честь своих учителей он придумал знаменитый головной убор с пятью верхушками – одной в центре и по одной в каждом из четырёх направлений¹⁸. Со времён Тиши Репы началась традиция духовного родства между Китаем и Тибетом, в соответствии с которой китайские императоры выбирали себе в наставники самых выдающихся тибетских учителей и приглашали их ко двору как своих гуру. Группу представителей императора регулярно посылали из Китая для поисков по всему Тибету самого великого учителя того времени. Поскольку слава ламы в пятиконечном уборе распространилась повсюду, он получил приглашение от императора. Вот почему его стали звать Тиши Репа: *тиши* – это китайский титул, присваиваемый императорскому наставнику, самый высокий духовный статус. Ниже тиши были два учителя в ранге *пакши*, а ниже каждого из пакши – два сановника в должности, называемой *гошир*. Должность *тиши* предусматривала свиту из сорока духовных лиц, оплачиваемую из императорской казны.

Изучая архивы во время своего пребывания в Цурпу, главной резиденции Кармапы, я обнаружил древнюю переписку с Китаем. Такое же приглашение ко двору китайского императора на должность тиши некогда было послано и третьему Кармапе. А в те времена приглашение означало скорее приказание.

В одном из посланий говорится: «К западу не найден ни один лама, который превосходил бы тебя по духовным качествам. Император установил это с помощью множества своих посланников. Только ты должен стать отныне императорским наставником. Если ты исполнишь это желание императора и прибудешь в Китай, он дарует тебе любые блага, как духовные, так и мирские. В случае неисполнения воли императора тебе больше никогда не выпадет другого счастливого дня».

К этому документу прилагалась большая печать из чистого золота – знак высокого положения. Два высокопоставленных чиновника лично доставили приглашение в Цурпу. Дальше в послании говорилось: «Отправляйся в Китай немедленно вместе с этими двумя чиновниками. Излишнее промедление, даже на один день, повлечёт за собой тяжкие последствия».

Такое «приглашение» требовало от Тиши Репы отправиться в Китай – у него просто не было выбора. Но он сделал это очень необычным образом. Возможно, интуиция подсказывала ему, что путешествие в качестве великого учителя тибетского буддизма будет стоить ему жизни, а возможно, просто ему так нравилось, но он предпочёл одеться как нищий странник.

«Это платье совершенно неуместно, – запротестовали китайские чиновники. – Отправляться в путь по приказу императора нужно величаво, с должной пышностью и церемониями, подобающими великому ламе».

Поторговавшись, стороны пришли к соглашению, что свита великого ламы, в том числе и сорок его приближённых духовных лиц, проделают путь до Китая традиционным образом. Но самому Тиши Репе позволили сопровождать караван пешком и в облике нищего странника – в простой хлопковой одежде и с одним лишь деревянным посохом. Он прошёл пешком весь путь от Кхама до далёкой китайской столицы, тогда как все остальные ехали верхом на конях.

Есть письменные свидетельства о чудесах и других знаках совершенства, которые Тиши Репа явил при дворе императора. Но ещё он увидел, что императорская династия, которая

¹⁸ Известно высказывание Тиши Репы: «Дхарма Вангчук познакомил меня со свободным от ошибок состоянием естественного ума. Лама Шанг Цалпа познакомил меня с безграничной взаимосвязанностью. Кьобпа Джигтен Сумгон учил меня неиссякаемой преданности. Таклунг сделал так, чтобы я смог отбросить все мирские заботы, глядя на них просто как на прах и никогда не забывая об этом». Таким образом, четыре внешние верхушки символизировали его учителей. [ТУР]

имела монгольское происхождение, продлится не больше тринадцати лет. Когда десять из этих лет прошли, Тиши Репа подумал, что ему лучше не быть в столице во время падения династии, а потому подал прошение позволить ему удалиться. Но императорская семья категорически отказалась отпустить его в Кхам.

«Времена меняются к худшему, – подумал Тиши Репа, – жизнь императора висит на волоске, и если я останусь, то окажусь участником и войны, и внутренних раздоров. Нужно бежать тайком».

И он ускользнул. Обнаружив бегство Тиши Репы, император послал свои отряды во все концы на его поиски. Через два-три дня его схватили и под усиленной охраной доставили ко двору, где император приказал взять его под стражу.

– Какая тебе польза от моего заточения? – спросил Тиши Репа. – Ведь ты в опасности! Через три года и твою династию, и наследника ждёт безвременный конец. Что ты тогда будешь делать? Я не хотел быть очевидцем таких событий и решил уйти. Но ты мне не позволил, и потому я вынужден был бежать.

– Не смей так говорить, лама! – воскликнул император. – Всё, что ты сказал, скорее всего, ложь. Тот, кто позволяет себе говорить, как ты, должен быть наказан! Но, поскольку ты был моим гуру, я тебя прошу. И если ты действительно намерен меня покинуть, я тебе позволю. Ты же в ответ постарайся сделать так, чтобы моя жизнь продлилась.

Сменив гнев на милость, император осыпал Тиши Репу дарами и дал ему провожатых до Кхама. Когда отряд достиг границы, конь Тиши Репы лёг на землю и ни за что не хотел вставать. Тогда Тиши Репа сказал своим спутникам: «Это знак, что теперь я должен опять стать нищим странником». И он продолжил путь пешком.

По дороге он повстречал ехавшего в Китай Сакья Пандиту, главу одной из основных ветвей Дхармы в Тибете. Тот захотел оказать ему пышные почести, послав группу встречающих. Однако Тиши Репа сказал: «Ни к чему всё это! Обращайся со мной просто как с нищим, кем я и являюсь». Он продолжил своё странствие и, выбрав очень длинный путь домой, посетил Лхасу. Вернувшись в Кхам, через несколько дней он умер.

Поскольку Тиши Репа был учителем императора, его уход вызвал большой отклик. Было проведено множество ритуалов, и весть об этом вскоре достигла Китая. Новый император послал своих представителей доставить подношения, а также подыскать подходящего преемника. Они вернулись вместе с учителем по имени Репа Карпо, который был главным учеником Тиши Репы. Согласно письменным свидетельствам, величие этого учителя не поддавалось воображению, он был даже более совершенным, чем Тиши Репа. Многие видели, как от него исходил ослепительный свет. Новый император одарил его огромным богатством, которое было потрачено им на строительство множества храмов. В частности, он построил огромный храм в Нангчене, украсив его бесчисленными статуями, причём главная была точной копией статуи Будды Джово в Лхасе. Со временем он получил от императора тот же духовный титул, что и Тиши Репа.

* * *

Именно учеником Репы Карпо и был мой предок – Луме Дордже из рода Цангсар. Как-то раз, выполняя очистительный ритуал при огромном стечении народа, Репа Карпо заметил в толпе Луме Дордже и крикнул ему:

– Эй! Хочешь быть моим учеником?

Луме Дордже приблизился и ответил:

– Конечно. Я так благодарен, что вы сами предложили и мне не понадобилось даже просить.

С тех пор он стал учеником Репы Карпо.

Вскоре Луме Дордже достиг высокого уровня постижения. Кроме того, он построил монастырь Нангсо Ченмо, которому Нангчен и обязан своим именем. Сто пятнадцать колонн монастыря сделали его необычайно большим. Когда настало время для освящения, Луме Дордже раскинул небольшой шатёр и начал практиковать наставления, полученные от своего гуру. Во время ритуала благодетели поднесли Луме Дордже дрома – наше традиционное и полезное, но очень жирное блюдо: маленькие сладкие корни, залитые прозрачным растопленным маслом. Луме Дордже поглощал одну большую чашку за другой, опустошив целых десять чашек, так что уже пошла молва: будто учитель ведёт себя как безумный и, наверное, умрёт или, по крайней мере, тяжело заболеет. Но, когда все собрались, учитель сделал так, что всё масло выступило через поры его тела, отчего оно стало ещё более сияющим, чем прежде.

– Не может быть, чтобы это было обычное человеческое тело! – сказал кто-то.

– Гляди! От него даже нет тени! Через него насквозь видно всё. Его следует называть Бестелесной Ваджрой, – подхватил другой.

«Бестелесная Ваджра» – таков смысл имени Луме Дордже. Этот учитель был поистине возвышенным существом – словно лев среди людей. Когда его гуру Репа Карпо скончался, похороны стали большим событием, особым случаем для его учеников сделать щедрые подношения, чтобы отдать последнюю дань телу их гуру. Вскоре после этого великий Чогьял Пакпа, учитель из линии сакья, посетил монастырь Нангсо Ченмо, проезжая через эту местность по пути в Китай¹⁹. Последователи Репы Карпо сказали ему:

– Наш учитель покинул нас, и мы остались словно тело без головы. Вы – возвышенное существо, гуру императора и правитель Тибета, и мы хотели бы вверить вам монастырь и королевство Нангчен.

Чогьял Пакпа ответил так:

– Это было бы негоже, потому что такая голова не подошла бы к этому телу. Я сакья, а вы кагью. Это всё равно что голову овцы приставить к туловищу козы. Не лучше ли выбрать

¹⁹ Эта история о посещении Чогьялом Пагпой Китая даёт пример традиционных связей между Тибетом и Китаем, которые большинство тибетцев понимали как отношения «учителя и его благодетеля». [МБШ] Чогьяла Пагпу пригласили в Китай, где он стал гуру императора из монгольской династии. Об этой паре повсюду стали говорить так: «В небе есть солнце и луна, а на земле – гуру и его покровитель». Чогьял Пагпа приходился племянником Сакья Пандите, и интересно, что Сакья Пандита однажды получил видение божества Курукулле, Лотосной Дакини, в котором она сказала ему: «При твоей жизни время служить тебе для меня не настанет, но я исполню все желания твоего племянника». Карма Пакши, второй Кармапа, сопровождал Чогьяла Пагпу в его поездке в Китай. Во время их путешествия в королевстве Линг разразилась война, и продолжать путь стало очень трудно. Чтобы не попасть в боевые действия, караван повернул на юг и проследовал по Нижнему Кхаму. Там путешественники остановились в первом тамошнем монастыре школы нингма, Ваджрном Троне Катога. Прибывших лам попросили выполнить освящение новой статуи Будды. Пока Чогьял Пагпа пел слова благословения, Карма Пакши за один миг буквально перевернул весь храм вверх дном. Третий присутствовавший там совершенный учитель сказал: «Мы не можем оставить всё в таком виде!» – и занялся возвращением храма в обычное состояние. Потом Пагпа и Карма Пакши добрались до Китая, где, как рассказывают, Карма Пакши творил одно за другим невероятные чудеса. Однажды императрица сказала Чогьялу Пагпе: «Замечательно, что вы позволяете своему ученику творить чудеса, но император начинает предпочитать его вам. До сих пор вы не показали никаких особых знаков, так что, если вы собираетесь проявить какие-нибудь свидетельства вашего совершенства, то вам лучше поторопиться». На следующее утро Чогьял Пагпа в присутствии императора отсек себе голову и заставил её парить в воздухе над его телом, которое оставалось сидеть. В отчаянии император закричал: «Мой лама умер! Мой лама умер!» – и простёрся перед Чогьялом Пагпой. Наконец Чогьял Пагпа вернул свою голову на место и сказал: «Абсолютная истина – вне рождения и смерти». После того как Чогьял Пагпа это изрёк, вера императора в него стала непоколебимой. Затем Чогьялу Пагпе и Карме Пакши были оказаны высшие почести – Чогьял Пагпа получил высшее духовное звание, а Карма Пакши – на один ранг ниже. Во время церемоний посвящения прежним императорам давали благословения, касаясь сосудом для посвящений или другими ритуальными предметами большого пальца их руки, а не их темени. Чогьял Пагпа начал делать то же самое, чтобы император, который не имел обыкновения кланяться кому бы то ни было, просто оставался с высоко поднятой головой, когда Чогьял Пага поднимал сосуд. Однако у Карма Пакши был нрав настоящего сиддхи, и он не терпел глупости, а потому настал момент, когда он сказал: «Потоки посвящения и реки не текут вверх: вам нужно наклонить голову!» И он физически «помог» императору наклонить голову, из-за чего ему назначили суровое наказание. Если вы почитаете молитву, обращённую к Карма Пакши, то увидите целый список этих наказаний и чудес, которые он сотворил в ответ на каждое из них. Что бы ни делали его мучители, они не могли его наказать, и, в конце концов, императорский двор отказался от попыток его казнить. Есть также история о том, как Карма Пакши доставил подарок – медную кровлю для Цурпу, – швырнув его в реку в Китае и выловив в Центральном Тибете. [ТУР]

самого достойного ученика Репы Карпо. Мне были вверены тринадцать символов власти, дабы я вручил их тринадцати лицам рангом ниже меня. Первый из них я предложу главному ученику Репы Карпо, даровав ему титул *лачен* – «великий учитель». Так что выберите среди вас одного самого выдающегося ученика, и я награжу его этим титулом, чтобы он смог взять на себя заботу о вашем королевстве.

Один из учеников возразил:

– Мои братья по Дхарме все равны, между ними нет никакой разницы. Нам было бы трудно выбрать, кто из нас лучше.

– Но нет ли того, кто хоть чуть-чуть лучше других?

– Ну, есть такой Луме Дордже, телом похожий на золотой светильник, но он уехал в Центральный Тибет. А остальные все равны.

– Я тоже направляюсь в Центральный Тибет. Пошлите кого-нибудь, чтобы найти Луме Дордже и сказать, чтобы он там со мной встретился.

Посланцы отыскали Луме Дордже неподалёку от Лхасы. Он был близким учеником Марпы²⁰. Его сопроводили к Чогьялу Пакпе, который даровал титул, вручив золотую печать и знак отличия из драгоценной парчи, символизирующий ранг лачена, одного из тринадцати высших священнослужителей. Получив эти регалии, Луме Дордже сказал:

– В моём сердце была единственная цель – стать аскетом-гомченом, и уж меньше всего я думал стать дхармараджей, но я не стану противиться вашей воле. Однако вы должны назначить мне сильного защитника Дхармы.

Тогда Чогьял Пакпа дал ему Четырёхликого Охранителя – защитника Дхармы из традиции сакья, даровав соответствующее посвящение и наставления. Затем Чогьял Пакпа сказал: «Можешь быть уверен, что этот охранитель будет следовать за тобой повсюду как тень».

Но это был не единственный охранитель Луме Дордже. Позднее ему привиделась охранительница Дусолма. Она спросила его:

– В чём ты нуждаешься?

– Ни в чём не нуждаюсь, – ответил Луме Дордже.

– И всё-таки, – сказала она, – я буду защищать твою линию преемственности Дхармы на протяжении тринадцати поколений, как если бы я являла себя во плоти.

Кроме того, Луме Дордже получил много посвящений и наставлений от великого ламы традиции кадам и от знаменитого индийского учителя Атиши²¹. Когда Атиша впервые прибыл из Непала в Тибет, его сопровождал защитник Дхармы по имени Обезьяноликий Ганапати. Этого охранителя Атиша передал ламе, который позднее сам передал его Луме Дордже, сказав: «Этот защитник наполовину просветлённое существо, а наполовину мирское, и зачастую он любит пошалить»²². Так что, когда Луме Дордже вернулся в Кхам как дхармараджа, его сопровождала невидимая свита, которая состояла из трёх защитников Дхармы.

²⁰ Нгог Чоку Дордже (1036–1061), ученик Марпы, стал самым выдающимся толкователем тантр. Перерождением этого учителя считается Трангу Ринпоче. [ЭПК]

²¹ Этим ламой был Геше Чаюлва (1075–1138), учитель из старой традиции кадам, в которой упор делается на упражнения ума (лочжонги) – метод Махаяны, который помогает развитию пробуждённого устремления бодхисаттвы и заключается в том, что человек приучается ценить других выше самого себя. [ЭПК]

²² Под «наполовину просветлённым, наполовину мирским» охранителем он подразумевал такого, который являет себя не в полностью просветлённом облике. Защитники Дхармы часто бывают духами, которые дали обет защищать и охранять учения Будды и его последователей. Могут быть «мирскими», то есть добродетельными самсарными существами, и «просветлёнными», то есть эманациями будд и бодхисаттв. [ЭПК]

* * *

Интересно, что Луме Дордже – так же, как его преемники, мои предки, – на самом деле не питал никакого желания приобрести светскую власть и славу, но предпочитал скромную жизнь аскета. Возможно, поэтому мои предки по отцу в конце концов утратили своё положение королей Цангсара, уступив его правителю Нангчена.

Благодаря Луме Дордже Дхарма расцвела во всём Нангчене. В первую очередь именно благодаря его духовному влиянию это королевство стали называть страной гомчен. Луме Дордже оставался на золотом троне Дхармы в течение восемнадцати лет, а затем умер, или, как принято говорить у буддистов, «он показал метод выхода за пределы мира страданий». Семь дней все могли видеть появившиеся в небе чудесные радужные узоры. На его костях обнаружили тринадцать благоприятных знаков белой раковины, которые появились сами собой. Даже в наше время люди всё ещё пересказывают историю его кремации, в которой описываются чудесные, поистине невероятные знамения.

Нангчен в то время был небольшой самостоятельной страной, и поэтому было необходимо избрать преемника Луме Дордже. Выбор пал на его племянника Джангчуба Шонну, который был ламой. Он был учеником Луме Дордже и жил где-то неподалёку в уединении, как гомчен. Посланцы нашли его и сказали:

– Вы должны оставить своё затворничество и стать королём. Вы можете продолжать духовную деятельность, занимая золотой трон Дхармы.

– Я не хочу заниматься ничем, кроме уединённой практики, – ответил Джангчуб Шонну.

– Что пользы в вашей практике, если вам безразлично, хорошо ли живут люди в нашей стране? – возразили посланцы.

Так Джангчуб Шонну унаследовал трон.

Взойдя на престол Дхармы, Джангчуб Шонну получил от китайского императора высокую духовную должность, а также множество даров от императорского двора. Он решил использовать свалившееся на него богатство для возведения в Нангчене величественного дворца-замка. Поселившись там, Джангчуб Шонну перенёс туда и троих охранителей Дхармы, не взяв с собой только Обезьяноликого, который наотрез отказался переселяться во дворец, предпочитая остаться жить за монастырём в Нангсо Ченмо.

Каждое утро Джангчуб Шонну совершал ритуал обхода вокруг двух замков и их храмов. Однажды, когда он шёл вокруг Нангсо Ченмо, на него бросилась собака и укусила. Пошли пересуды. В новом замке говорили так: «Как это они допускают, чтобы злая собака бегала на свободе? Они там собак не кормят, что ли? Тамошний управляющий возомнил, что может нашего ламу пустить на корм своим шавкам!»

В другом лагере слуги язвили: «Пусть он и великий лама, да нечего ему тут бегать по утрам в одиночку!» Начались споры и взаимные обвинения. Дело шло к большому раздору. Но разве нам в новинку, что в мире людей процветает ревнивое соперничество?

В конце концов управляющий новым замком обратился за помощью в улаживании конфликта к ламе из школы сакья, который сменил Чогьяла Пагпу на троне в Центральном Тибете. Этот управляющий, должно быть, обладал немалой политической мудростью, потому что, вернувшись назад, он предъявил высочайший указ, гарантирующий равный статус обоим замкам, что подразумевало раздел королевства. Джангчуб Шонну не возражал, сказав, что это его вполне устраивает²³.

С тех пор стали существовать два отдельных замка: Нангсо Ченмо и Цангсар. Через какое-то время в каждом появилось по собственному королю. В те времена держатели трона

²³ Луме Дордже переехал во дворец Нангсо Ченмо, который Репа Карпо скопировал с Джокханга в Лхасе.

Дхармы одновременно были правителями главных регионов и обладали как светской, так и духовной властью. В течение столетий окружающие территории были объединены в два королевства, в которые входили десять тысяч семейных владений, разбросанных по малонаселённым просторам. В более позднее время многие из духовных учителей занимали высокие должности, которыми их награждали китайские императоры: один раз было даровано звание тиши, дважды – пакши и тринадцать раз – гошир.

Когда в Китае к власти пришли монголы, они тоже давали королям Нангчена официальные титулы и должности. Короли Нангчена получили титул *чингху*, который на одну ступень ниже, чем гошир, но всё же выше, чем *ван*. Все западные территории делились на области, которыми управляли четыре чингху и восемь ванов. По современным представлениям мы могли бы назвать чингху подотчётным, но независимым правителем, а ван соответствует скорее губернатору области. Однако короли из рода Цангсар – мои предки – никогда не получали никаких должностей и оставались ламами²⁴.

В последующие столетия императорский двор ввёл традицию иметь своих представителей в различных областях Тибета. Подобно тому, как в Лхасе находился высокопоставленный китайский чиновник, которого называли *амбань*, китайские представители были и в Нангчене, и в соседнем королевстве Дерге.

Во времена учителя-поэта Кармы Чагме, за двенадцать или тринадцать поколений до моего рождения, китайцы из расположенного к северу Силинга принудили Цангсар уступить Нангчену большую часть своей политической власти. Затем примерно три поколения тому назад один важный советник при дворе Нангчена сумел привести Цангсар под власть короля Нангчена и ввёл обязательные подати. Так что, в конце концов, мы полностью потеряли независимость.

Когда я рос во дворце Цангсар, наша семья уже не участвовала в политических делах, хотя я обладал непрерывной духовной линией. Со стороны отца из поколения в поколение всегда были ламы-нгахпы. Родословная Цангсара продолжалась как линия преемственности баром-кагью, в то время как политическими делами страны управляли во дворце Нангчен.

* * *

Такое положение дел, когда в Нангчене были правители, а в Цангсаре – ламы, гармонично продолжалось на протяжении столетий, за исключением периода правления одного из королей.

Иногда мирская власть ударяет человеку в голову. Вот и король Нангчена в одно прекрасное утро посмотрел на восток и увидел, что вершина ближайшей горы заслоняет его дворец от тёплых лучей солнца. «Я король! Я хочу, чтобы по утрам у меня был солнечный свет! Срыть вершину этой горы!» – вскричал он.

Огромные силы были брошены на эту работу, и скалу стали рубить. Гора была не из маленьких, но людям удалось убрать довольно большую часть вершины. Даже в наше время, если забраться на эту гору, можно увидеть результаты их труда.

Но работа была непосильной. Наконец один из рабочих сказал:

– Плохо дело. Мы начали не с того конца.

– Что ты имеешь в виду? – спросили товарищи.

– Легче срубить голову правителю, чем горе, – был ответ.

– Да ты что говоришь?!

²⁴ За века главы монастырей в Нангчене стали последователями школы дрикунг-кагью, а в более недавние времена королевские гуру были из школы друкпа-кагью. Цечу Гомпа, главный королевский храм, относится к друкпа-кагью, а главный лама этого монастыря – Адеу Ринпоче. Некоторые другие из главных монастырей принадлежат к дрикунг-кагью. [ТУР]

– Нам и за тысячу лет не удастся закончить эту работу. Задали нам страшную, невыполнимую задачу. Давайте-ка все сплотимся и покончим с этим неразумным королём.

Именно так они и сделали: отрубили королю голову.

* * *

Нангчен разделили на восемнадцать районов, в каждом из которых было по крупному монастырю²⁵. Поначалу все восемнадцать принадлежали к баром-кагью, но влияние этой линии угасало, по мере того как влияние Кармапы с веками только росло. Так что многие из этих монастырей начали следовать его ветви школы кагью. К тому времени, когда я покинул Тибет, оставалось только несколько небольших монастырей баром-кагью, и одним из них был монастырь моего гуру в Лачабе²⁶.

Немного расскажу ещё о моих предках со стороны отца, знаменитое (и, возможно, несколько претенциозное) имя которых было Божественный Род Цангсар. Наша семейная линия состояла из женатых практиков Ваджраяны, множество поколений которых были политически независимы от короля Нангчена. Из поколения в поколение их владения и дворец были хоть и не слишком велики, но вовсе и не малы.

Как я упоминал, мои предки посвящали себя духовному труду, а не политике. В какой-то период времени было восемнадцать братьев Цангсар, которые совместно приготовили восемнадцать комплектов *Кангьюра* – переведённых на тибетский язык слов Будды, – написав их все чистым золотом. Один комплект поднесли главному ламе линии сакья, один – Кармапе и ещё один отдали в Карма-Гон, главную резиденцию Кармапы в Кхаме. Когда я жил в Лачабе, у нас всё ещё оставался один из комплектов, а второй находился в небольшом храме, который был на попечении у Цангсар. Бумага, чёрная и плотная, была ручной работы, а буквы красиво выведены чистым золотом.

Жёны и сестры этих восемнадцати братьев, которых всего было двадцать пять, решили накопить заслуги, приготовив двадцать пять комплектов многочисленных сутр *Праджняпармиты*, посвящённых запредельному знанию, причём каждая книга была написана чистым золотом на тёмно-синей лазуритовой бумаге. В моё время один из комплектов всё ещё хранился в храме Цангсар. На протяжении столетий многие люди видели, как охранительница Дусолма оказывает почтение этим священным текстам, обходя их по кругу. С моей семьёй было связано множество художников. Однажды, когда Кармапа проезжал по местности между Тибетом и Китаем, ему вручили в качестве дара тысячу живописных свитков – *тангка*.

Все эти предки из рода Цангсар, вплоть до моего прапрадеда, были мастерами, которые полностью обрели плоды духовной практики. Среди них, наверное, не было ни одного, включая и моего отца, кто не являл бы какие-то чудеса или знаки великого постижения²⁷. Я слышал, что один из них возглавлял войско Нангчена и однажды на него напала группа солдат из Дерге, но их мушкеты не причинили ему вреда²⁸.

²⁵ Среди них Кьодраг, Сурманг и др. [ТУР]

²⁶ В роду Цангсар было три брата: Нгактрин, Сонам Еше и Намгьял Тулку. У Сонама Еше было прозвище «голос цангсарской птицы», и не только потому, что он умел подражать птичьему пению, но и потому, что мог поворачивать голову необычным образом. Все трое стали ламами, и каждый построил по монастырю. Нгактрин основал Лачаб Гомпу, Сонам Еше – то, что ныне называют Цангсар-гомпой, а Намгьял Тулку – Дэмо-гомпу. [ТУР]

²⁷ Все предки Тулку Ургьена Ринпоче, как и он сам, оставляли после кремации рингсел. [ЭПК]

²⁸ Мне бы хотелось упомянуть и о Лхасунге, одном из самых важных учителей среди моих предков. Он был одним из пяти братьев, которые все стали сиддхами, и под конец жизни проявил Радужное Тело. Это случилось при жизни великого дитя-тертона Намчо Мингьюра Дордже и его ученика Кармы Чагме. Мингьюр Дордже получил состоявшееся из тридцати семи листов терма ума, которое касалось Лхасунга. Там были садхана, а также другие практики, посвящённые различным просветлённым деяниям. В своём видении юный Мингьюр Дордже узрел, как Лхасунг проявился из пупочного центра Махакалы, охранителя учений Будды. Тертон вручил текст ученикам Лхасунга и сказал им: «Если вы сможете выполнять эти практики, это обеспечит

* * *

Более близким и очень важным звеном в нашей семейной линии Цангсар был Оргьен Чопел, мой дед по отцу. Будучи женатым практиком Ваджраяны, он одевался как простой мирянин. Его женой была Кончог Палдрон – моя бабушка и единственная дочь моего прославленного предка, великого открывателя учений-кладов Чокгьюра Лингпы. У них было четверо сыновей, все ламы, и две дочери²⁹. Все они – самые главные фигуры в истории моего рода. Как вы помните, я родился во время путешествия, когда моя бабушка отправилась на поиски Терсэя Тулку.

Когда мою бабушку выдали замуж за Оргьена Чопела, его главной семейной линией Дхармы была баром-кагью. Но это только так считалось. К тому времени все они придерживались практик школы нингма, которые содержатся в «Новых сокровищах» Чокгьюра Лингпы. Это сорок томов учений, открытых им в своё время. Так что выходит, что резиденция традиции баром стала преимущественно нингмапинской.

Это не значит, что мои родичи совершенно отказались от учений баром. Некогда процветавшая практика Шести учений индийского гуру Наропы стала сходить на нет давным-давно, и теперь её поддерживают только в считанных местах. Но именно благодаря объединению Шести учений Наропы с освобождающими наставлениями медитации Махамудры многие из ранних практиков баром-кагью обрели сиддхи: тринадцать из них могли бежать быстрее коня, другие тринадцать могли мчаться как ветер, и было ещё множество других чудотворцев. Число их учеников множилось по всему Нангчену.

С другой стороны, практика Махамудры большей частью пропитывалась духом дзогчен, учений Великого совершенства. Всё, что осталось от чистой практики баром, – лишь особый ритуал призывания охранителя учений Будды. Этот ритуал продолжал оставаться в большом почёте: доходило до того, что некоторые монахи больше читали эту мантру, чем мантры своих божеств-йидамов. Во дворце Цангсар, где я провёл свои ранние годы, имелось отдельное молитвенное помещение, посвящённое защитникам рода, – все его стены были увешаны огромными масками. Перед каждой нужно было ежедневно произносить особые молитвы и делать подношения. Помню, считалось, что одна из них мгновенно исполняет просимое. За столетия накопилось множество историй о защитной силе этих масок.

Как ни печально, в наше время традиция баром почти угасла, поскольку осталось очень мало лам, которые её сохраняют. На меня тоже возлагали какие-то надежды, но, конечно же, я мало что сделал. Что касается традиции баром, я не практиковал Шесть учений в стиле баром, а лишь читал призывания, обращённые к защитникам Дхармы. Вместо того я ещё ребёнком с головой ушёл в терма Чокгьюра Лингпы. У меня даже не было случая выполнять практику Чакрасамвары, главного божества баром-кагью³⁰. Так что есть все основания обвинять меня – и мне очень стыдно! – в том, что я упустил традицию Дхармы своих предков, потому что занялся учениями-терма Чокгьюра Лингпы. На самом деле в нашей семье больше всех выполняли практику баром-кагью мой отец и один из дядей; они применяли практики защитников Дхармы. Однако другой дядя, Терсэй, не произнёс ни одного слога из практик баром-кагью: он всецело посвятил себя «Новым сокровищам».

защиту вашей традиции на протяжении жизни многих поколений». У меня есть немного волос, оставшихся от Лхасунга, после того как его тело растворилось в радужном свете; я храню их в одном из своих гау. [ТУР]

²⁹ Имена четырёх сыновей, начиная со старшего: Самтен Гьяцо, Чиме Дордже, Санг-Нгак Ринпоче и Терсэй Тулку. Две дочери: Таши Чиме и Ригдзин Палдрон. [ТУР]

³⁰ Махакала – главный защитник Дхармы, а Дусолма – главная защитница; есть ещё одно важное божество – Шиндже Трочу. Молитвы этим защитникам Дхармы я пел много раз. Это составляет мою практику баром-кагью. [ТУР]

Согласно традиции кхамцев, поскольку у сыновей великого тертона не было детей, потомков его дочери высоко чтили как наследников и представителей Чокгьюра Лингпы. Тибетцы различают две разновидности потомков: «по кости» и «по крови». Быть внуком по кости – значит родиться в семье сына, а быть внуком по крови – значит родиться в семье дочери.

Продолжению учений-терма Чокгьюра Лингпы в первую очередь способствовала моя бабушка, которая родила четырёх сыновей, и каждый из них сослужил огромную службу в деле распространения этой традиции. Мой отец был вторым из четырёх сыновей; его звали Чиме Дордже, а мою мать – Карса Юри.

Вот такова краткая история рода Цангсар с духовной и мирской точек зрения. Самое важное в ней – связь с Чокгьюром Лингпой благодаря тому, что его дочь, мою бабушку, выдали замуж за Оргьена Чопела из рода Цангсар. Теперь вам, возможно, стало любопытно: кто же такой этот Чокгьюр Лингпа, что это за «Новые сокровища» и какие именно учения называют *терма*? И ещё, что самое важное в распространении традиции передачи Дхармы? Всё это будет главной темой большинства рассказанных мною историй. Исключительно по милости моей бабушки я знаю множество этих историй.

4

Сокровища Лотосорождённого

В конце VIII века в Тибет прибыл Падмасамбхава, Лотосорождённый. Его, первейшего мастера Ваджраяны, сопровождала вся тысяча будд нашей кальпы³¹. У него было двадцать пять главных учеников, и в следующих своих рождениях эти ученики стали тертонами, которые обнаружили учения Падмасамбхавы, сокрытые им ради блага людей будущих времен.

Мой коренной гуру, Самтен Гьяцо, питал невероятную веру в Падмасамбхаву и, бывало, рассказывал мне, как его восхищают слова Лотосорождённого. Хотя Самтен Гьяцо обладал чрезвычайной эрудицией и изучил огромное количество книг, он продолжал находить много свежих аспектов смысла учений Падмасамбхавы.

«Никто не превосходит величием Падмасамбхаву, – часто говаривал Самтен Гьяцо. – Конечно, Будда Шакьямуни – это источник, но благодаря Лотосорождённому учения Ваджраяны распространились и стали процветать по всей Индии, а особенно в Тибете. Если вы внимательно присмотритесь, то поймёте, как удивительны эти учения-терма! А если вы сравните эти его откровения с любыми другими произведениями, то сможете увидеть их неповторимость. Причина в том, что они пришли от самого Падмасамбхавы.

Красота их слога изумительна! Такую красоту и глубину, какие есть в практиках терма, трудно выразить кому бы то ни было. В отличие от трактатов, написанных просто учёными людьми, в учениях-терма каждое слово можно понимать на всё более и более глубоких уровнях. Благодаря особому качеству ваджрной речи Падмасамбхавы каждый раз, когда вы читаете его учения, вас неизменно охватывает чувство веры и преданности, доверия и полной убеждённости!

Мы встречаем учения, изложенные похожими словами, в открытиях нескольких тертонов. Причина в том, что они представляют собой безошибочную речь Падмасамбхавы, записанную тертонами, разгадавшими символические письмена дакини»³², – говорил он, имея в виду тантрийских божеств женского облика.

«Не остаётся никакого места сомнениям. Например, семистрочная молитва, начинающаяся со слов: „На северо-западной границе Уддияны...“, присутствует в многочисленных терма: разные открыватели припадали к одному и тому же источнику.

Перед тем как покинуть Тибет, Падмасамбхава сокрыл великое множество терма, содержащих учения, драгоценные камни и священные предметы, – дабы всё это служило опорой практикам грядущих веков.

На благо будущих существ Лотосорождённый по своей великой доброте сокрыл терма в скалах, озёрах и даже в небе. Как подумаю об его безмерном милосердии, во мне рождается благоговейный трепет. Однако есть люди, не способные оценить эту доброту. В наши дни некоторые скептики возражают: „Ведь эти тертоны не принадлежат к непрерывной линии преемственности и не имеют посвящения и передачи от Падмасамбхавы, чтобы учить. Они просто откапывают какие-то вещи, которые сами же и спрятали!“

Но на самом деле тертоны, которые явились, чтобы обнаружить учения-клады, в своей прежней жизни получили от Лотосорождённого Гуру благословение, посвящение и передачу этих терма. Каждый тертон уже полностью получил силу передачи, и это подлинное посвяще-

³¹ В сутре *Бхадракальпа* Будда говорит о том, что он – четвёртый из тысячи истинно и полностью пробуждённых, которым предстоит явить себя в этом мире. [ЭПК]

³² Письмена дакини – разновидность зашифрованного или волшебного письма, используемого для записи учений Падмасамбхавы на свитках, которые потом были спрятаны в скалах, озёрах и ларцах.

ние намного превосходит те поверхностные посвящения, дающие лишь видимость благословения, которые так часто получают в наше время.

Все великие тертоны были мастерами, тело, речь и ум которых обладали благословением и духовной силой, полученными от самого Лотосорождённого. Заявлять, что у них не было передачи, просто смешно. Такие заявления показывают незнание их автором семи традиционных способов передачи³³. Учения-терма изумительно глубоки и хранятся в сокровищнице „четырёх способов и шести пределов“ – десяти последовательных уровней всё более глубокого смысла, с точки зрения которых можно толковать тексты Тантры». Вот так Самтен Гьяцо знакомил меня с учениями Падмасамбхавы.

«Если хочешь применять терма, то уровни их смысла бескрайни. С самого детства великий тертон не похож на своих сверстников, – продолжал мой гуру. – Он обладает чистым видением божеств и исполнен духовных свершений. Тертоны отличаются от обычных людей, которым приходится следовать по постепенному пути обучения и практики. Обычные люди не могут обрести мгновенного постижения!»³⁴

Как говорил мне другой мой учитель, Дзонгсар Кьенце: «Учения-терма – словно урожай, созревающий осенью. Каждый год готов новый урожай, и его пожинают на общее благо, потому что настала пора им воспользоваться. Учения-терма были сокрыты с тем, чтобы их обнаружили в более поздний исторический период, и появляются они в той форме, которая наилучшим образом подходит к условиям того времени, когда их открывают».

Приходит время, когда требуется открыть те или иные учения-терма, – и в мире появляются великие тертоны. Они способны опускаться в глубины озёр, взлетать в немыслимые места пещер и вынимать предметы из каменных скал.

Мой прадед Чокгьюр Лингпа был одним из таких мастеров, которые открывали клады Лотосорождённого Гуру.

³³ Семь передач: 1) устная традиция (кама): переведённые в древности *Тритатака* и тантры, непрерывно передававшиеся от учителя к ученику; 2) терма земли, открываемые тертоном; 3) вновь открытые терма: учения-клады, обнаруживаемые повторно; 4) терма ума, открываемые в уме гуру; 5) выслушиваемая линия передачи, получаемая непосредственно от просветлённого существа; 6) чистое видение; 7) воспоминание из прошлой жизни. [ЭПК]

³⁴ Первые два учителя-тертона, Ньянг-Рал и Гуру Чованг, звались «два царя тертонов», а других сто тертонов называли их подданными. Ещё были три выдающихся тертона, восемь лингпа, двадцать пять крупных тертонов и т. д., и все они были одинаково важны. Однако среди ста восьми тертонов главными являются два особенных царя тертонов: Ньянг-Рал Нима Осер и Гуру Чованг. Первым из всех тертонов был Сангье Лама, которого не нужно путать с Сангье Лингпой. [ТУР]

5

Мой прадед, открыватель кладов

Чокгьюр Лингпа родился в Нангчене, неподалёку от королевского дворца, и воспитывался в монастыре Цечу как простой монах. Как-то раз во время ежегодного исполнения тантрийских танцев он сбился с ритма и стал танцевать сам по себе. Этим он огорчил наставника по танцам, который был готов его поколотить.

Среди присутствующих был Адеу Ринпоче – гуру короля Нангчена. Он к тому же был сыном предыдущего короля, а потому очень влиятельной в королевстве фигурой: в те времена в Нангчене он занимал самое высокое положение среди всех лам.

Обладая ясновидением, Адеу Ринпоче понял, что будущий тертон принимал участие в танце небесных существ, который в его видении происходил в чистой стране Падмасамбхавы, – Чокгьюр Лингпа просто присоединился к этому танцу.

Адеу Ринпоче пришёл на помощь Чокгьюру Лингпе:

– Не бейте его! Он танцует по-своему. Не вмешивайтесь.

Вскоре Чокгьюр Лингпа попросил разрешения покинуть монастырь, и Адеу Ринпоче дал своё согласие: «Хорошо, можешь идти. Странствуй, где хочешь, и помогай живым существам».

8. Чокгьюр Лингпа – открыватель учений-кладов

9. Лотосная корона Чокгьюра Лингпы

Перед расставанием Чокгьюр Лингпа подарил королю Нангчена статуэтку и попросил у него лошадь и провизию. Однако королю не хотелось его отпускать, да и щедростью он не отличался.

«Этот сумасшедший монах дал мне какуюто фигурку Падмасамбхавы, то ли из глины, то ли из камня, – сказал король, не понимая, что это одно из драгоценнейших терма, которое Чокгьюр Лингпа уже обнаружил. – Дайте ему старую лошадь и чепрак». Из-за такого пренебрежительного отношения со стороны короля Чокгьюр Лингпа никогда не стал обосновываться в Нангчене.

Мой прадед не получил формального образования, однако Конгтрул Старший назвал его истинным пандитой и великим учёным³⁵. Эта перемена произошла с Чокгьюром Лингпой, когда он пребывал в традиционном строгом затворничестве, которое продолжалось три года и шесть недель, в своей резиденции над монастырём Карма-Гон в Кхаме. Выполняя практику

³⁵ Подробности этого знаменательного момента содержатся в его расширенном жизнеописании (т. 38 «Новых сокровищ»). [ТУР]

затворничества, он, по его собственным словам, «чуть-чуть разобрался в смысле тантр, агам и упадеш», имея в виду три глубоких раздела внутренней тантры: Маха-, Ану- и Ати-йогу³⁶.

10. Лотосная Хрустальная пещера – священное место «Трёх разделов»

³⁶ Узрев видение Падмасамбхавы, Чокгьюр Лингпа получил от него наставления, которые включил в знаменитый текст Нгаксо, составленный на основе термина *Тугдруб барче кунсел*: «В эти времена тёмной калпы почти нет ни одного тибетца, который не получил бы посвящения Ваджраяны. Священные узы самайи поддерживают жизненную силу посвящения. Если не соблюдается самайя, жизненная сила посвящения исчезает, как перо, уносимое ветром, и не принесёт никакой пользы». Поэтому Чокгьюр Лингпа попросил дать метод для регулярного восстановления самай, который и получил. Теперь эта практика известна как *Нгаксо*. [ТУР]

11. Кала Ронго, где было обнаружено Тугдруб

Чокгьюр Лингпа был не просто истинным тертоном: он сделал самые важные для нашей линии передачи открытия. Он был перевоплощением царевича Муруба, второго сына великого царя Трисонга Дэуцена, укрепившего Дхарму в Тибете. А в другой из своих прежних жизней он был Сангье Лингпой³⁷. Чокгьюр Лингпа был «держателем» семи разных передач, и его часто считают последним из ста самых важных тертонов.

Его почитают владыкой всех тертонов, отчасти потому, что ни один другой тертон не открывал учения, заключающего в себе раздел Пространства дзогчен. Было несколько открытий из раздела Ума. Все видные тертоны обнаруживали учения раздела Устных Наставлений, но только Чокгьюр Лингпа передавал раздел Пространства. Вот почему его «Три раздела дзогчен» считаются самым необычным терма из всех, которые он когда-либо обнаружил³⁸.

* * *

Большинство историй о том, как Чокгьюр Лингпа открывал терма, я услышал от бабушки. Дочь Чокгьюра Лингпы, она ещё ребёнком была очевидицей этих событий. Мою бабушку никто не мог бы уличить во лжи или преувеличениях. Потому что она была чрезвычайно правдивым человеком и никогда ничего не приукрашала и не очерняла.

Она рассказала мне, как однажды Чокгьюр Лингпа открыл терма на глазах целой толпы³⁹.

«Отец часто извлекал терма в присутствии более чем тысячи людей. Так нужно было, потому что тибетцы, и особенно уроженцы восточной части Кхама, известны своей крайней недоверчивостью. Они не станут слепо верить всякому, кто объявит себя тертоном. Но Чок-

³⁷ Сангье Лингпа был великим тертоном, который обнаружил цикл учений *Лама гонгду*. [ЭПК]

³⁸ «Три раздела дзогчен» по-тибетски называется *дзогчен десум*. Далее о нём будет рассказано подробнее. [ЭПК]

³⁹ Подробности относительно обнаружения терма при большом стечении народа см. в *The Autobiography of Jamgon Kongtrul: Gem of Many Colors*, translated and edited by Richard Barron (Ithaca, N.Y.: Snow Lion Publications, 2003), p. 112.

гьюр Лингпа был вне всяких подозрений, потому что не раз обнаруживал терма при многочисленных свидетелях.

Почему терма нужно было открывать прилюдно? – продолжала она. – Чтобы было полное доверие, безо всяких сомнений. Никакого обмана – терма находят на глазах всех присутствующих. Будь это просто ловким фокусом, не оставалось бы никакого подлинного, вещественного терма, которое можно было потом показать, никакого символа просветлённого тела или речи⁴⁰.

Иначе было бы не так просто убедить людей, что Чокгьюр Лингпа действительно посланец Падмасамбхавы. Кхамцы ещё более твердолобы, чем жители Центрального Тибета, и более недоверчивы. А среди кхамцев самые большие скептики – это жители Дерге: они ни за что на свете просто так не поверят никакому новоявленному самозванцу, что он тертон! Они поверят только тому, кто лично обнаружит терма прямо на их глазах.

Такие открытия мы называем *тримтер*, что значит „публичное терма“, терма, обнаруженное при стечении множества очевидцев. Когда предстоит открытие некоего терма, сначала объявляют: „Открытие терма состоится прилюдно!“ Услышав эту новость, посмотреть собирается множество людей.

Ещё тертон чудесным образом получает „список ориентиров“, служащий как бы ключом, который точно указывает, где спрятано терма. Такой текст необходим, чтобы обнаружить терма и извлечь его. Получив это таинственное руководство, тертон может мысленным взором увидеть план местности, расположение гор, долин, скал, пещер и т. п. Это руководство также содержит описания „знаков терма“ – особых меток, оставленных Падмасамбхавой или Еше Цогьял, например слог ХУМ. Местонахождением терма может быть определённая гора или пещера, такое место, которое описывается как разинувший пасть лев, черепаха или другое животное, особенности тела которого указывают на характер местности. Знаки терма могут находиться на шее, между глаз, в сердце или в другом месте того или иного животного.

В руководстве также указано надлежащее время обнаружения терма и особенности охраняющего его духа. Иногда в этом участвуют три разных духа: *щидаг*, *нэдаг* и *тердаг*. Щидаг, хозяин земли, – это, например, Махешвара, который охраняет всю долину Катманду, а нэдаг, хозяин местности, – это, например, Тарабхир, охраняющий тайное место пребывания будды Тары близ Наги-гомпы. Тердаг⁴¹, владетель терма, – это особый дух, которому доверили хранить терма, когда оно было сокрыто.

Как можно похитить терма? Возможно, когда Гуру Ринпоче прятал терма, его видели птицы и другие животные, которые потом знали, где оно укрыто. В одной из своих следующих жизней они могли стать похитителями терма. Так что был такой приказ: „Не допускать, чтобы воры похитили терма! Не допускать, чтобы оно попало в руки нарушителей самайи! Не вверять их никому, кроме моего, Падмасамбхавы, посланца!“

Так охранитель получал от Падмасамбхавы наставление вручить терма тертону, которому выпало это предназначение. Однако открыватель клада не может просто унести терма, словно вор, убегающий с добычей. Он должен отдать какой-то выкуп, что-то вроде взятки. Кроме того, ему нужно оставить что-то взамен – или учение, или какую-то драгоценность, например что-то священное.

Как только разносилась весть о том, что скоро случится нечто удивительное, конечно же, находилось множество любопытных – а почему бы нет! Иногда собиралось человек пять-

⁴⁰ Терма в виде символов просветлённых тела, речи и ума бывают представлены изваяниями и жёлтыми пергаменами с тайными письменами дакини. [ЭПК]

⁴¹ Такого охранителя часто называют *касунг* – «охранитель учения». Охранителей высшего разряда называют *ингкью касунг* – «охранитель учения дхармадхату»; к ним относятся такие защитники и защитницы, как Дамчен Дордже Легпа и Экаджати. Есть также охранители наполовину просветлённые и наполовину мирские, например Церинг Ченга, пять Сестёр Долгой Жизни, двенадцать богинь *тенма*, которые охраняют Тибет. Среди мирских охранителей – восемь классов богов и духов. [ТУР]

сот-шестьсот, а один раз их была целая тысяча. Но бывало, при обнаружении терма-тромтер присутствовала лишь небольшая группа: пять, семь, двадцать один человек или больше.

Был случай, когда Чокгьюр Лингпа, поднеся охранителю терма ритуальный напиток, попросил его снять с терма охрану. Затем он нарисовал на камне кружок, который открылся, будто задний проход у коровы, и каменная порода просто выплеснулась из него, обнаружив полость, в которой находилось терма. Оказалось, что внутри камень был заполнен искрящимся радужным светом. Ещё мы почувствовали необыкновенно приятный запах, который, казалось, наполнил всю долину. А кроме того, оттуда вырвалось целое облако алого порошка синдхуры. Чокгьюр Лингпа раздал людям немного этого порошка, чтобы они его сохранили».

Бабушка продолжала: «Все медленно пели молитву Лотосорождённого, которая называется „Самопроизвольное исполнение желаний“:

*Открывая терма для тех, кто избран нести благо существам,
С отважной уверенностью чистой самайи,
Свободной от колебаний и сомнений, прошу тебя:
Даруй благословения, дабы сами собой исполнились все желания!*

Кто-то уже приготовил рядом накрытый парчой стол, чтобы поместить на него драгоценные предметы. Предметы-терма часто бывают очень горячими на ощупь, когда их вынимают, и только мой отец мог удержать их в руках. Некоторые из них бывали настолько раскалены, что прожигали парчу»⁴². Бабушка говорила об этих предметах так: «В них ещё не остыл жар благословения». Иногда такие слова звучат как метафора, но бывало, люди действительно обжигались. Однажды я сам видел прожжённые куски красной и жёлтой парчи в ларце, где хранились некоторые священные вещи, принадлежавшие Чокгьюру Лингпе.

Вынув терма, великий тертон благословлял всех. В это время он также давал объяснения относительно истории происхождения этого терма: как и почему Падмасамбхава его укрыв, с каким конкретным пожеланием он его спрятал, почему оно теперь обнаружено, какова польза от его благословений и прочее.

Бабушка рассказывала: «Я видела, как вся толпа плакала от переполнявших её чувств веры и преданности, в воздухе стоял гул от плача. Будь ты хоть упрямым умником, всё твоё неверие испарялось. Все были поражены чудом».

После обнаружения терма Чокгьюр Лингпа взамен неё оставлял в каменной полости что-то другое. Например, если это были две фигурки Падмасамбхавы, то одну из них Чокгьюр Лингпа возвращал на место. Если это был свиток с письменами дакини, он оставлял вместо него какую-то драгоценность. В завершение он замуровывал отверстие, иногда закладывая камнями, а иногда даже расплавляя скалу, будто покрывая замазкой. Если Чокгьюр Лингпа просто вставлял камни в расселину, то, по свидетельству побывавших там позднее людей, повреждённая поверхность сама собой «затягивалась».

* * *

Бабушка была не единственным знакомым мне человеком, который сам видел, как Чокгьюр Лингпа открывал терма. Однажды, когда я жил в семейном доме нашего рода Цангсар, у нас остановился Пема Тринлэ, слуга этого великого тертона. Последний год своей жизни он провёл с нами, и ему было почти девяносто лет, когда он умер. Молодой и любопытный, я расспрашивал его о днях, проведённых с тертоном, и он рассказывал мне обо всём, что помнил.

⁴² В каждом терма содержится и предсказание относительно тертона, о том, что сам Чокгьюр Лингпа является воплощением царевича Дамдзина, а также указано, какому охранителю это терма вверено. [ТУР]

Вот одна из его историй.

– Однажды, когда Чокгьюр Лингпа находился в одной деревушке у подножия красивой горы Карма, ему представилась возможность открыть «терма скота». Хотите – верьте, хотите – нет, он объявил, что произведёт на свет настоящих животных! Услышав об этом, много народу собралось вокруг него, и все гурьбой направились к скале, вздымавшейся на склоне горы Карма.

В те времена не было спичек, а Лхагсам, повар Чокгьюра Лингпы, забыл захватить с собой кремневое огниво. Без огнива он не мог приготовить чай, а потому послал за ним в деревню своего помощника. Однако все обитатели деревни в то время занимались сбором дикорастущих сладких клубней дрома, так что помощник вернулся с пустыми руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.